

ИГОРЬ СОТНИКОВ

Опасайся человека одной книги

В ПРЕДДВЕРИИ

Игорь Сотников

**Опасайся человека одной
книги. В преддверии**

«Издательские решения»

Сотников И.

Опасайся человека одной книги. В преддверии / И. Сотников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850144-9

Любое знание или же незнание, это та призма, через которую вы смотрите на окружающий мир. И когда вы знакомитесь с новым для вас миром, то кто знает, на что лучше опираться при знакомстве с ним.

ISBN 978-5-44-850144-9

© Сотников И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Опасайся человека одной книги В преддверии

Игорь Сотников

© Игорь Сотников, 2017

ISBN 978-5-4485-0144-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

У каждого свои места обетованные.

– Всё началось со встречи с чернокнижником. Хотя, погодите. Скорее что, всё началось с видений или, вернее сказать, с одного из них. – Высказал своё предположение рассказчик.

– Земля обетованная может быть только необитаемой! – бросил свой подкрепленный жизненной практикой завет потомкам проговорившийся после долгого молчания основатель клуба одиночек, в быту называемого Бельведерским, первый глобальный предиктор Робинзон.

– Обетованная... Происходит от слова обет, что ли? – едва слышно задался вопросом один из двадцати двух находящихся в этом клубном зале иерофантов, глядевший на висящую поверх импровизированной трибуны для выступлений вывеску с этим откровением Робинзона, который пока еще обладал возможностью слушать не только себя, в отличие от своих собратьев по проведению в жизнь ими же предназначенных замыслов.

– Я бы сказал, от слова обед, что, несомненно, более приятно, – в ответ ему усмехнулся обладатель острого слуха, сидящий рядом с ним – внушительного вида его собрат по их жреческому делу, чей рот на одно мгновение оказался свободным от пищи.

Правда, спустя это мгновенно сказанное слово всё было исправлено. И этот, не терпящий пустот, собрат вновь принялся внимать своему голосу, доносящемуся из глубин его желудка и требующему для себя основательных жертвоприношений, что тоже не прошло мимо ушей того, первого, умеющего слышать иерофанта. И что примечательно для этой ситуации так это то, что громкое чавканье и сопровождающие все «уминательные» действия внушительного собрата – хрустящий треск за ушами – не составляло труда услышать ему. Что, в свою очередь это вызвало свой желчный отклик в нём, верно посчитавшем, что его собрат дело говорит, и ему пора отдать собственное жертвенное должное своему столу (ведь если вовремя не уделить внимания столу, тогда придется отдавать своё требующее натужного или ещё какого внимания стулу).

В общем, как это и всегда происходило при этих столь необходимых и своевременных заседаниях Бельведерского клуба, и на этот раз всё шло по своей накатанной стезе, где все собравшиеся, дабы не сильно утомлять своих соклубных собратьев, для начала принялись утомлять себя. После этого, себя же утомив, уже на полный желудок они были не столь кровожадно требовательны к своим инстинктам, требующим от них всё новых и новых поглощений. Впрочем, когда все друг друга отлично знают, и не только в лицо, это, с одной стороны, имеет свои приятности, где, не стесняясь, можно в любых планах очень многое себе позволить и даже иногда, чисто для пробы и слегка, малое. Тогда как с другой, правда, всё с той же знакомой стороны, эта информированность присутствующих лиц о друг друге, не ограничивается одними лишь рамками дозволенного, и где именно не поверхностные знания являются обоснованием вашего здесь присутствия, а ваше умение влезть без мыла в особо потаенные места, как раз и обеспечивает вашу компетентность и выживаемость.

И всё это вместе взятое, не просто находит отражение, а навсегда запечатлевается на этих облагороженных трудами пластических хирургов и украшенных не слезающими хищными улыбками физиономиях, которые уже сами до осточертения терпеть не могут видеть все эти противные рожи своих соклубников, в междусобойчике называемых иерофантами (в общем, как мы уже могли понять, такая неприятность имеется).

Ну а для того чтобы все эти противные виды соклубников, не сбивали уже других иерофантов со своей такой зрелой мысли, то требовалось организовать особые условия для их встречи. Ведь эти, хоть и редкие, встречи со своей подковой деятельностью, налагали на них

свой довлеющий паласный отпечаток, что при встрече грозило вылиться в личное сбивчивое желание иерофанта каким-нибудь ненарочным местом задеть своего собрата по клубу. А это в свою очередь грозило глобальными катаклизмами свалиться на лысую башку собрата, который своей оголтелой риторикой окончательно всех достал. А вот это уже в ответ могло принести повышение ставок, где даже принудительная, с помощью дырявого носка лысого собрата, эмиссия не смогла бы заткнуть визжащий рот того первого, начавшего такую, аж кровь из носа, дискуссию с лысым иерофантом. После чего, конечно же, никто не сможет усидеть на месте и, подключившись к этой дискуссии, начнёт всецело поглощаться или сливаться, отчего мировые биржи начинают не по-детски лихорадить, а индекс Доу, с кем очень потрясно столкнулся лбом Джонсон, впадает в продолжительную депрессию, отчего вслед и все рынки начинают гнать свою рецессивную волну.

Так что, для того чтобы мир окончательно не погрузился во тьму, участниками клуба ради блага человечества было решено самим принять на себя этот темный удар и проводить все свои заседания за кулисами, при закрытых окнах. Правда, поначалу не обошлось без казуса и некоторые любители поиграть на биржах, введя в заблуждение своих братьев, организовали собрание клуба в казино (где, как все знают, нет окон). Видите ли, по их мнению, только с помощью рулетки можно найти выход из сегодняшней долговой ситуации, при сумрачном освещении в каком-нибудь потаенном и удаленном от глаз месте. Ну а так как для человека нет ничего более любопытного, чем когда от него пытаются что-то в затаенном месте утаить, то он уже только от одного слова «тайный» начинает возбуждаться и искать все эти тайны, спрятанные от его глаз.

Что стало определенно напрягать клубных братьев, которые всегда считали себя всевидящим оком и незримыми ушами этого мира, тогда как вдруг сами оказались под пристальным прицелом внимания всей антиглобалисткой общественности. Здесь, надо отметить, и произошел свой глобальный раскол, выявивший разный подход к миру, где первая, консервативная группа придерживалась своего видения мира, где на первом месте непременно стояло это всевидящее око. Ну а другая партия, в своих воззрениях на мир, всё больше полагалась на информацию, которая, по их мнению, сегодня как раз и рулит миром; их символом как раз и стали уши.

– Материалисты! – в запале смеха обрушивались на консерваторов эти информаторы.

– Демократы! – в самую точку крыли информаторов, этих псевдоидеалистов, ещё более весёлые консерваторы.

Надо сказать, что такие стычки были, в некоторой степени, необходимы и своей стрессовой разрядкой не давали застояться умам братьев, которые как большие поклонники клубной жизни («мы, в некоторой степени, тоже люди») в своих избирательных целях заявляли самые невоздержанные из них, что лишь говорило о том, что они действительно еще находились в зависимости от человека, хоть и формальной.

– Спрос порождает предвыборные предложения, – заявляли эти рыночники, выдвигая свою кандидатуру на выборы, которая под собою подразумевает некоторую закрытость от внешнего мира.

На этот же раз, они решили провести свою встречу в одном из клубов, одной из столиц, одного из союзов неких государств. На повестке дня, как и всегда, стоял всё тот же, никогда не теряющий своей актуальности, единственный вопрос (конечно, больше риторический): как нам дальше жить с этим неблагодарным человечеством?

– Я ответственно заявляю: хватит! – не вынимая сигару изо рта, всех оглушил своим возгласом Дон. Это новое красноречивое лицо современного истеблишмента, который, несмотря на сопротивление своих соратников по партии «Око», сумел-таки вырваться на эту импровизированную трибуну, чтобы высказать всё то, что у него накопело.

– Хватит уже плясать под эту его дудку, – тут Дон сделал вид, что замялся, но затем вновь продолжил, – ах, да, прошу прощения, под его саксофон. И теперь для всех настало время убить Билла.

Неожиданная концовка заявления Дона, судя по наступившей гробовой тишине в зале, несомненно, вызвала оживление хода мысли «соклубников», которые, отбросив свои столовые приборы, пытались сообразить, что всё это значит. Ну а сам присутствующий здесь Билл, определенно, был больше всех озадачен этим жутким для его шкуры призывом к действию, от чего он, рефлекторно схватил вилку и с одним женским именем на устах, приготовился задорого, без всяких скидок на родственные связи продать свою жизнь.

– Если вы не поняли, я хотел сказать: убить в себе Билла, – Дон, заметивший какую-то не связанную с его ожиданиями, не должную ответную реакцию соклубников, сумел быстро сообразить, какой недочёт прозвучал в его речи, и тут же сделал уточнение, между тем, не сразу удовлетворившее некоторых из присутствующих собратьев, увидевших в этих его словах нападение на всю устоявшуюся систему, одним из столпов которой и был тот самый Билл.

– Ты что, сволочь такая, сказал?! – с места заорал первым обретший дар речи мистер «Х», который даже здесь, в тёмном зале, находился в тёмных очках. Что поделаться, а он не имел права на свою более точную идентификацию, являясь представителем одной из самых секретных служб Его Величества (как оказывается, наравне, а скорее всего, даже ровнее, рядом с Её Величеством, существует этот всем известный, но мало кем вслух произносимый «его величество»). Ну, вы, наверное, сами догадались, кто он), носящая органично символическое название Ассоциация независимых брадобреев, сокращенно АНБ. Которая, для того чтобы всегда быть при деле, сначала разводила угрюмых бородачей всех умеренных и неумеренных мастей, попутно вовлекая их в свои махинаторские схемы, а после того, как они до неприличия зарастут, являлись к ним на зов, скорее всего, крови (так как другого зова никто никогда не слышал), где и принимались вовсю Джорджевскую, Билловскую, а лучше Обамовскую стричь этих овец.

– Ах, вот почему ты всех подслушиваешь. Так ты, оказывается, глухой, – Дон очень умело контратаковал этого прогрессиста, продвигающего идею все технически лучшее двигать ближе к людям.

– Я, бл*дь, тебе покажу... – закипел в ответ мистер «Х», который и так много чего лишнего сейчас сказал.

Правда, как считали все рядом с ним сидящие, он ничего нового не сказал, ну а то, о чём он ненароком обмолвился, об этом и так все прекрасно, если не знали, то догадывались. Мистер «Х», хотел уже было, сделать непоправимый шаг, ведущий к окончательному раскрытию себя, но лёгшая на его руку женская рука и прозвучавший едва слышно голос обладательницы этой руки: «Тише, тише...» – заставили его образумиться и вновь занять своё место, тогда как всё видевшего, уже вновь обретшего себя Билла это заставило с горечью в горле дополнительно приложиться к наполовину опустошенной им бутылке, после окончания которой, он дал себе зарок, слово и пятерку баксов, переложив их из одного кармана в другой, предназначенный для его неблагоприятных трат. Так он собрался для начала разбить бутылку об голову мистера Х, а уже после этого акта отмщения, пойти и поймать какую-нибудь аспирантку, отвести её в любой наиболее дальний кабинет, и там уж с ней отомстить этой курве по полной программе.

Но пока блуждающая мысль Билла, все перетекая из одного пустого сосуда в другой порожний, еще не оформилась в действие, обладательница женского взгляда и всего того, что соответствует ему, всё так же тихо проговорила этому мистеру М (даку, – всё-таки этот Билл, когда излишне хлебнет, опасен для всяких там топ-секретов, что и проявилось в очередной раз, когда с его языка слетела эта государственная тайна):

– Будь дальновиднее, толерантный вы мой, – чем окончательно «успокоила» мистера «Х», державшего у себя в голове какие-то нетолерантные, хотя и радужные планы (одно дру-

гому не мешает сосуществовать, а ещё лучше сортировать) на счёт неё и всех других, занимающих рядом с ним места.

– Так что ты предлагаешь? – с другой стороны зала послышались выкрики тех, кто давно убил в себе Билла. Что не только не мешало им представлять, как из всего себя, так и собою ту самую партию, чьим лицом когда-то и слыл этот многострадающий за всех лиц (кроме Чёрной мамбы) одного пола Билл.

– Для того чтобы выжить, нам нужно полностью изменить правила игры, – в ответ прогремел голос Дона, что на этот раз уже заставило встревожиться сидящую рядом с мистером М (даком, – не спит Билл, вовремя вставляя свои дополнения) обладательницу женского образа – миссис К (озу и стерву, – ух, как иногда бывает откровенно жесток этот Билл), которая, сжав свои присадочные места, возмущенно процедила:

– Это что значит: многополярный мир?

Но на её вопрос не последовало ответа, и тогда она продолжила:

– А это значит, что Дон пытается использовать наше выстроенное ПРО не по назначению, и если добавить к нему то имя, которое мы договорились не упоминать всуе, то... – Миссис З (аноза, – Билл уже не столь грамотно остёр на язык, но всё же не спит) аж обалдела от своего открытия, чему последовали и её приверженцы, только уже охерев от сделанного умозаключения.

– Так ты на кого это намекаешь? – вновь нашелся мистер Х (ер, – силы покидают Билла), сжавший свои руки в кулаки.

– Да ни на кого я не намекаю и никого не представляю. Я сам за себя, – всё-таки Дон определенно опытный тип и вовремя умеет насмешить.

Вот и сейчас на одно, для себя предыдущее, мгновение вызывает взрыв смеха в зале, правда только среди своих сторонников, после чего на него вновь обрушивается свой требовательный вопрос:

– Хорош всё ходить вокруг да около! Говори конкретней.

– Нам надо, всё заново поделить.

Третье пришествие золотого тельца, наверное, не вызвало бы столь оглушительного эффекта, который вызвал этот однозначно безумный призыв Дона, чьи слова в одно свое заявление вызвали апокалипсический шок в головах собратьев. Будто четверка всадников апокалипсиса галопом прошлась по их головам, и подняв на дыбы их остатки волос, своим отбоем вызвала разные – от неимоверности до окончательного представления – осложнения в виде нервных припадков, падений в себя, за себя, под себя и даже на соседнего себя. В общем, если не одним словом, а кратко сказать, в скрежет зубов погрузился весь этот полумрак.

– Да ты разжигаешь! – уже не сдержался мистер «Х», и брызгая слюной, заорал на Дона, который, между тем, не взирая на все недомогания, делает глубокий вдох в свою сигару (революционер чёртов, явно за Фиделя хочет сойти) и со словами «Я как раз тушу!» прицелившись бросает в мистера «Х» эту свою разгоревшуюся сигару, которая удачно приземлившись в свою цель, обозначенную на редкость пышной шевелюрой мистера «Х» (в целях конспирации не иначе как накладной парик), можно сказать, вызывает огонь на себя из себя. Это, конечно же, вызывает свою цепную реакцию, в которой мистер «Х», чтобы сбить это яркое пламя (точно накладной парик, раз так ярко горит и светится), начинает нещадно бить себя по своей и так не слишком умной голове (а после таких серьезных воздействий, скорее всего, не поумнеешь).

Всё это шоу, конечно же, не проходит мимо взгляда рядом с ним сидящей миссис С (тервы, – очнувшийся Билл, уже начал повторяться), которая, узрев в этом действии не только опасность для себя, но и, пожалуй, покушение на свою особу, очень быстро сообразив, схватила первый попавшийся бокал (и допустила ошибку, не сообразив, что в нем налито. Закон сообщающихся сосудов гласит о том, что если в одном месте не сообразить, то это все-

гда в другом месте кому-нибудь на голову выльется), в который она не удосужилась заглянуть носом, и (не удостовераясь в его содержимом) плеснула на голову мистеру «Х», чем вызвала не ожидаемое ею затухание пожара, а наоборот, его подхлест, который теперь начал напалмом жечь остатки растительности, теперь уже, практически, его лысины, вызывая истошный крик последнего.

Но если кого-то беды близких волнуют, а невзгоды далеких даже немного подзадевают, то для собравшейся здесь публики, не имеющей даже понятия о таких вещах, естественно, все эти пожарища и обрушившиеся на голову бедствия не только не прошли незамеченными, а были, согласно их жизненному принципу, просто проигнорированы. И стоило Дону вслед за брошенной сигарой со смехом прокричать: «Затухни!», как из глубины зала к нему выдвинулись две серые мордоротного типа личности.

– А как же насчёт нашей доли? – эти две мордоротные личности, подойдя сзади к Дону, который, как думал, что пришёл сюда только лишь рядом постоять, положили свои руки ему с двух сторон на плечи и без промедления обратились к нему с этим своим сакраментальным вопросом.

– Нет, постойте. Всё-таки всё началось, как любил говорить чернокнижник, со слова или вернее, с вопросительного слова. – Снова внёс свои изменения в последовательность изложения рассказчик.

Глава 2

Заглавная, тяжкая доля.

– Он определенно заслуживает лучшей доли или, по крайней мере, достоин лучшего. – Часто слышим мы голоса тех, кто видимо разбирается в этих долях и определённо сам рассчитывает как минимум на большее. Но такой субъективный подход этого распорядителя, заставляет объективно улыбнуться природе, которая прислушавшись к этому распорядительному голосу и выделив его из общей массы, в согласии с его запросами, уже обрекает того на свою участь.

– Что ж поделать, такова твоя доля. – Сокрушенно для этого распорядителя, констатирует факт судьбоносности природа.

Ну, а разве человек может, вот так просто с этим согласиться? – Да фигушки, не на того напали. – заявит один, очень неутомный и очень прыткий (точно паркурщик), с явно затуманенной своей молодостью головой, ещё совсем не зрелый молодой человек, что есть ноги улепетывающий по тёмным дворам улицы, от этого частного, зубодробительного предложения судьбы, которая посредством двух мордovorотов и ещё одного, привлечённого заманчивым предложением, рядом постоять, было очень выразительно ему высказано:

– А на нашу скромную долю, что-нибудь в бумажнике найдётся!

– Сейчас посмотрим. Чего ты стоишь? – не слишком ясно пояснил один из подошедших к нему (к этому, который паркурщик) в тёмной подворотне мордovorотов, с помощью блеснувшего лезвия ножа, ясно показывающему, на что он способен. Конечно, у спрашиваемого в голове тут же пронеслось множество вариантов ответа, на этот, так часто задаваемый в безлюдном и пустынном месте, сакраментальный вопрос. Правда этот вопрос часто звучит в ином модифицированном виде, как: «Я вижу, чего ты стоишь!»

Хорошо, вопрос услышан, но подскажите, по какой шкале оценок идёт этот торг. Ладно, весовая категория более или менее понятна и каждый визуально может определить эту стоимостную характеристику человека. Да к тому же, есть ещё рост, возраст и масса других внешних «замечательностей» у каждой единицы оценки, но всё же, когда задают этот оценочный вопрос, то ведь всё-таки имеют в виду нечто совсем другое. Правда, это «нечто», надо признать, очень быстро выясняется после встречного удара в челюсть. Но тогда получается, что силомер и есть тот прибор, который определяет твою стоимость.

«Не о том, думаешь». – Наконец-то заработала неделимая конструктивность в этом вопрошаемом самого себя молодом человеке. После чего он, уделив внимание каждому из подошедших, постепенно сжимающих вокруг него кольцо и решив, что ударность гласных от несогласных, в виду численного преимущества последних, ни к чему хорошему не приведет, остановился на другом более скоростном варианте. Вариант этот подразумевал собою: указать на ошибки в постановке ударения, ведущие к недолжному пониманию сказанного слова, этим однозначно, отъевших свои рожи на двойках, мордovorотам:

«Так чего ты ещё стоишь?», – уже сам себе задался вопросом этот молодой человек. И как только к нему обратился со своей не навязчивой просьбой: «Делиться надо», второй, явно обделенный природой (пока ещё не совсем ясно в чём), плотоядно улыбающийся мордovorот, то он уже со своей стороны, решил посмотреть, что они из себя стоят и уловив момент, рванул наутёк.

– Ах ты, падла! – чувствуя себя обманутыми, вслед убегающему, этому не оправдавшему их надежд, молодому человеку, несутся, как эти заслуженные им оценки, так и сами мордovorоты с этим третьим, кто пришёл просто рядом постоять.

– Стой, не уйдешь!! – кричит второй мордovorот, из чего становится ясным, чем же всё-таки природа его обделила.

– Поймаю, порву как тузик грелку!!! – Слишком кровожадно высказывает свои желания этот третий, который между тем, несмотря на все свои эти страшные предупреждения, не слишком-то торопится догонять эту, по его выражению грелку. А ведь он, несмотря на то, что куда легче и скоростней, чем эти неповоротливые и заносимые на поворотах мордovorоты, отчего-то плетётся в хвосте и не спешит проявить свои спринтерские качества.

– Так звали же только постоять рядом, – в своё оправдание, настоятельно заявит сей активный член группы.

– Да фигушки вам, не на того напали, – и вправду, показывая эти самые «фигушки», издевается над неповоротливостью мордovorотов, зажавший для них свою, и обрекающий их на свою долю, тот самый кто паркурщик. Ну, а кто же всё-таки этот такой неугомонный тип и не пора ли нам с ним уже познакомиться. Ну что ж, наверное, всё же пора.

– Да-да, пора, – без спросу влезет одна из тех, кто выбрала для себя профессию везде лезть без спросу, о кой профессии и о ком, вы, наверное и гадать не надо, уже догадались.

– Он, касатик, для меня как раскрытая книга, – поспешит охарактеризовать этого молодого человека, одна из много о себе считающих, за умеющих вас читать ясновидящих.

– Б-р-р, конечно. Ну, хорошо. Тогда ответьте, что же это выражение, собственно означает? – у меня возникнет необходимость наводящих вопросов. На что, как и следовало ожидать от всех этих «хитромантов», она, закатив глаза к небу и заявив, что звёзды подскажут, не посчитает нужным ответить и оставит нас самим раскрывать эту, ещё не прочитанную книгу.

– Ну, хорошо, пусть будет книга. Но позвольте. А к какому же жанру её причислить? – вдруг проснётся во мне читатель.

– Жанр? – удивленно щёлкнет пойманной вшой гадалка.

– Да куда карта покажет, так тому и быть, – всё же напоследок, намекнула эта гадалка на многогранность жизни, неподдающейся под одно рамочное определение. Вот вечно эти гадалки наговорят, а потом ходи, мучайся и сам догадывай, а что всё это значит. Ну что ж, раз карта выбрала книгу, то значит, так тому и быть. Правда есть одна загвоздка и если книгу полностью будет трудно прочесть, вот так сразу, всю проглотить, то подача по главам может помочь нам разрешить эту загвоздку.

– Хорош трюндеть, – напомним о себе Фома, а так звали нашего неугомонного молодого человека, лет под -идцать, что в современных реалиях жизни, вполне катит за молодого, для которого наши эти ознакомительные ритуалы были не к месту и не ко времени.

– Надо дёргать, «эпилогическую» главу, – заявил несущийся во всю прыть, не желающий быть ни цельным и даже ни слегка растрепанным, Фома.

На что у этих мордovorотов, битый час ожидавших своего звёздного, не смотря на безоблачную погоду, часа, было, совершенно отличное от Фомы мнение и они, несясь вслед за ним, не собирались спускать такого к себе пренебрежения. Между тем, погоня, следуя своему уставленному временем порядку, находящемуся в зависимости от скоростных качеств у преследователей, разобщи их, разделила их на две основные группы. Так в первой группе, был замечен первый мордovorот, как оказалось более стремящийся к своей цели, тогда как вторая группа, состоявшая из двух в одном, оставшихся и отстающих, усиленно плелась в арьергарде погони. Что, надо заметить, не было упущено из виду Фомой, для которого тут же всплыла его, в своё время зачитанная у Джованьоли, первая, тактико-историческая глава.

Как ни храбр и силен был Спартак, однако при виде падения последнего своего товарища он счел себя погибшим.

Но внезапно его глаза засверкали: ему пришла в голову мысль – применить старинную тактику Горация против Куриациев.

И он бросился бежать. Самниты стали его преследовать.

Спартак, не пробежав и пятидесяти шагов, внезапно повернулся, напал на ближайшего к нему самнита и вонзил ему в грудь кривой меч.

Фома забежав за угол дома, резко остановился и как только из-за угла появилась голова первого мордворота, то встретил её прямым ударом в нос, который не выдержав этого «сопрягательного» соединения, весь расквасился, пустил сопли вместе с кровью, и передав по инерции дальше это встречное предложение (а передать между прочим, согласно физическому закону приложения двух сил к одной точке, где ударность, благодаря единству приложения, увеличивает свою «применительную» эффективность, было что), вместе со всем остальным, не забыв и самого мордворота, опрокинулся надлежащим образом на спину. Что в свою очередь, от этого приземленного соударения, передавшись по цепочке на здание, вызвало, уже предусмотренное ветхостью строения самого дома, обильное обсыпание штукатурки на лежащего вверх головой мордворота. Где ему впервые, правда, лишь на мгновение, всё-таки удалось увидеть звёздное небо, пока опавшая на него со стены дома штукатурка, толстым слоем не закрыла для него весь этот прекрасный обзор.

– Вот, сука, – запрыгал на месте Фома, тряся свою, принявшую этот лобовой удар руку.

– Вот, сука, – вторили ему, быстро приближавшиеся к месту падения их, не только соучастника, но и подельника, второй мордворот и очень чуткий к проявлениям грубости по отношению к себе, тот, кто пришёл «просто рядом постоять». Фома же заметив ускоренное приближение этой парочки, бросился в сторону близлежащей детской площадки. Где не пробежав и пятидесяти шагов, ему на пути встретились качели, при этом Фома, спиной вдруг почувствовал, что его настигают, после чего он, чтобы не терять за зря время на обход этих качелей, запрыгивает одной ногой на качели и оттолкнувшись от них, оказывается по другую сторону от своих преследователей. Между тем, конструктивная особенность качелей, позволившая Фоме осуществить такой маневр, после этого его отталкивания, получает своё ускорение и своей устаревшей железной сидушкой выносятся, как одновременно в обратную от Фомы сторону, так и прямо на налетевшего на неё второго мордворота, звонкий звук удара об чью челюсть, очень уж явно говорил, что кому-то точно сейчас, точно вынесли эту самую челюсть. Но второй мордворот не смог об этом сообщить сам, да и бегущий за ним, тот, кто пришёл просто так, рядом постоять, не успел добавить, как сраженный этим качающимся обстоятельством телом мордворота, рухнувшего на спину, похоронился под ним. Правда, в этом был и небольшой плюс. Теперь-то, наконец, он нашёл то место, где можно было просто полежать.

– Слышь. Мы тебя сука, запомнили, – всё-таки собравши волю в кулак, сумел-таки выкрикнуть из под тела мордворота, тот, кто нашёл, где можно просто полежать.

– Странно, честное слово, такое слышать, – на отзвуки скрежета зубов оглянулся назад и выразительно посмотрел Фома. А ведь если быть объективно честным, то и Фома не в меньшей степени запомнил их. И прежде чем заявлять подобное, то надо, наверное, подумать, чьё же положение оказалось в более выгодном положении для запоминания. Впрочем, его тоже можно понять, ведь то положение, в котором он оказался, не слишком-то способствует работе мысли.

– Ладно, я тебя услышал! – Фома всё же был не таким неотзывчивым, и, решив, что не в его стиле быть совсем уж букой, даже очень громко проявил свою отзывчивость.

Глава 3

Индивидуальный подход.

Зачитанная до дыр и выжженная в сердце либерала, главенствующая выдержка из свода его библии: *Либерализм провозглашает права и свободы каждого человека высшей ценностью и устанавливает их правовой основой общественного и экономического порядка.*

«Она получала удовольствие, а я, значит, должен за это отвечать? – закинув ногу на ногу, не сводя своего взгляда с зашедшей в автобус беременной молодой особы, выразитель этой глубокой мысли, Яшка расплылся в голливудской улыбке. – Нет уж, за всё нужно платить».

Следом, но всё же шепотом, Яшка добавил эту фразу, обращенную к сидящему рядом с ним Фоме, не испытывающему таких же благостных чувств, что и Яшка. Не получив никакого ответа и не удовлетворившись молчанием Фомы, он ищет в нём причины такой невнимательности к такому насущному факту:

– Ты чего такой набыченный-то? О чём задумался? – пытается растормошить Фому Яшка, чьи действия, не имея свидетельств этих действий, теряют всю свою ценность для него.

– Много о себе не надумай, если есть чем думать, – втянувши голову, и вправду набычено смотрит на Яшку не переживающий за него на этот счет Фома.

– Но если нечем думать, то можно додумать до того, до чего не додумается и создатель, – на этот же счёт, Яшка уже вызывает беспокойство у Фомы.

– Ну, я даже не думал, что ты такой, – Яшка дал своё определение Фоме и, развернувшись обратно, заметил, что нашлись паршивцы, совсем не считающиеся с его мнением и уступившие место этой беременной особе.

«А какой я, и кто я, собственно, такой? – вдруг решил для себя выяснить Фома. – Ага, попробуй тут не в двух словах выразить это. Вот, например, как охарактеризовать свой возраст, не задействовав числовые параметры? Хотя, впрочем, в моём случае можно сказать, что я перестал донашивать уже не рубашки, а куртки, что, в принципе, можно соотнести и с моим развитием качеств, заявив, что я наконец-то перестал донашивать чужие мысли.

Так, что ещё? Ну, добавлю, что я не слишком разносторонний человек и могу похвастаться только двумя выдающимися моими сторонами: интровертной и экстравертной, которые и включают в себя весь мой спектр качеств. Так что, многие меня знают только с этих двух сторон. И если в кругу друзей я экстраверт, то для всех остальных я остаюсь интровертом.

Ну а кто, обо мне всё-таки может что-нибудь рассказать, то, наверное, это тот, с кем я полностью откровенен и с кем могу общаться на равных, а именно – техническое средство, присутствующее у каждого в доме, с коим, надо признаться честно, я частенько разговариваю после бурно проведенного вечера. Оно-то уж умеет выслушать и, скажу честно, такого наслушалось, что даже мне подчас становится стыдно.

Вот ведь наговорил больше двух слов, а толку никакого. Блин, ещё попроси себя рассказать что-нибудь смешное», – Фома вдруг явственно хмыкнул и резюмировал свой себе ответ:

– Да и вообще, кому в нынешнее время ты интересен кроме себя. Вот то-то же.

– Ты тоже заметил! – приняв это всхлипывание Фомы за что-то своё, обрадовался Яшка.

– Да, чёрт, достал уже, – Фома выпрямил спину и начал озираться по сторонам, пытаясь рассмотреть, что же такого он, по словам Яшки, заметил.

А между тем, всеобщим вниманием завладел зашедший в автобус очень нетрезвый гражданин, несущий в себе все те атрибуты, которые сопровождают такого рода господ: смердящий невыносимый запах, вызванный стычками с окружающим приземленным миром, потрепанный внешний вид и явно читающееся в его взгляде пренебрежение ко всему миру. Нетрезвый гражданин тут же, без лишних слов и какого-либо предупреждения уселся промеж сидя-

щих на ближайшем к нему сидении пассажиров, несущественного для него образа, которые сразу же, чтобы не испытывать судьбу, слегка поворчав и не найдя защиты у кондуктора, мигом перебрались в другую часть салона автобуса. Но, может, действительно, сейчас кондуктор как одно из должностных лиц, отвечающих за порядок на этом транспортном средстве, подойдет и своим строгим взглядом на этого, своим видом однозначно портящего внешний ландшафт жизни, пропойцу, заставит его заплатить за всё?

Но к удивлению и разочарованию пассажиров, этот пропойца не стал бузить, а достал смятые денежные купюры и сполна заплатил за свой проезд. Так что, это должностное лицо, кондуктор, не найдя иных причин для вопросов к нему, оставила всё как есть и развернувшись отправилась на своё высокое место, чтобы с него обозревать всех нарушителей общественного порядка, в основном тех, у кого растут длинные уши.

Ну а сильно нетрезвый гражданин, между тем, с сознанием дела поднял вверх руку с билетом, ознакомил всех рядом сидящих и стоящих с этим наличием его права и, показав одному, сильно от этого его действия изумленному очкарику с козлиной бородкой язык, чем несказанно ещё более сильно удивил подругу этого, по мнению нетрезвого гражданина, козлиной бороды («Ты что, его знаешь?» – ущипнула за локоть этого очкарика его нервная подруга, внеся еще больше сумятицу в мысли уже ничего не понимавшего козлиной бороды), со всем своим настойчивым вниманием принялся лицезреть, сидящую напротив него, ту беременную молодую особу.

– Ты про этого, что ли? – кивнув в сторону нетрезвого гражданина, спросил Яшку Фома.

– Ага, – поддакивает Яшка, любитель всяких таких острых действий, чьи запахи не доносятся и, как правило, происходят на расстоянии от него.

– Чем-то на тебя смахивает, – замечание Фомы выбивает из радостной колеи Яшку, вгоняя его в легкий недоуменный ступор.

– Не понял... – наконец-то искренне недоумевает Яшка.

– А что непонятного то? – ухмыльнулся Фома.

– Едет себе этот нетрезвый гражданин, имеющий на всё про всё такие же права, что и все его окружающие пассажиры. И вроде билет купил и даже, если не считать своего несколько беспардонного занятия места под этим солнцем, едет, никого не трогает, а при этом между тем беспокоит всех. Вот не внушает его настырный взгляд спокойствия, хоть ты тресни. А он едет и едет, а все между тем ждут, когда эта вонь, пробирающая не только его печень, (что есть результат его выбора), но и наши, не имеющие отношения к этому выбору гражданина, сформируется во что-нибудь и выкинет из себя.

– Значит, я также сижу и воняю? – было дёрнулся Яшка.

– Вернее будет сказать – лицезришь и на основе своего аналитического ума делаешь выводы.

Взгляд Фомы не менее жесток, чем у Яшки, который, не сумев переглядеть Фому, идёт на попятную и улыбнувшись, хлопает себя по колену, и со словами: «Ну ты и приколист!» – слезает с этой, грозящей целостностью его зубам, темы.

– Я же только образно. Я-я-я-ков! – Фома, делая упор на полном именовании, которое записано прописью в паспорте, Яков, выбивает последние подпорки из-под ног Яшки-Якова, на что тот, потерявшись и глотая спёртый воздух, не знает, что и ответить. А ведь стоящая перед ним проблема собственного именовании была не так проста, как кажется. Вот же родители подкинули свинью собственному сыну, отказывающемуся от употребления, как свинины, так и всего животного. Так, Яшка, для него звучало определенно по-шкетски, когда как в Якове, он видел некоторое скрытое подтрунивание над собой, чего не мог вытерпеть даже самый последний сидящий в нем Яшенька.

– Тьфу, мам. Не называй меня так больше при всех! – слишком кипуч Яшка, стоит ему лишь заслышать своё имя в неправильном ключе, который при всех его раскладах только таким и был.

Но может, тогда ему пойти другим путем, как это делают все те, кого природа вознаградила полётом мысли его родителей, и выбрать для себя если не псевдоним, то, по крайней мере, другое имя? Но, как ни странно, для Яшки, несмотря на всю его именную неупотребительность, было дорого это его имя. Вот и поди разбери после этого, отчего он тогда так на Фому закусился, что даже себе губу прокусил.

– Зашибись, – прежде чем прикусить свою губу, Яшка обратился к своей любимой сказке, которая во всех относительно неопределенных случаях служила ему универсальным ответом на полученный результат.

К присказке же, в зависимости от обстоятельств, часто добавлялись свои определяющие глаголы, как «приехали» или же менее динамичное «пришли». А ведь поговаривают, что за слишком частое употребление этого утверждения Яшка, правда за глаза, частенько зовется этим самым «зашибись», что, надо признать, частично решило его проблему имязамещения, что, впрочем, ещё не значит, что, узнав о своём таком новом прозвище, сам Яшка будет несказанно рад.

– Зашибись, приехали, – глотая потёкшую кровь, Яшка корит себя за такую несдержанность.

– Этот пьяный, есть своего рода образчик того отдельного индивидуума, имеющего в отличие от среднестатистического нормального человека, отличный от него образ мышления или разума. Он на данный момент мыслит иначе, что, надо сказать, в основном и пугает обывателей, не имеющих понятия, что же от него можно ожидать. Ведь непредсказуемость всегда нас страшит.

Я привел в пример этого пьянчугу, как наиболее близкий нашей ментальности элемент раздражения, коих существует в мире бесчисленное множество. Но ведь нельзя же осуждать человека за её еще неосуществленные, но, как нам кажется, весьма вероятные намерения, которые приблизились к 99-процентному пределу осуществления, доказательством чего служит ваша визуализация с её утверждением.

А по нему разве не видно? Ну, я скажу, что и по тому участнику в этих парадных промоакциях тоже много видно того, чего бы не хотелось видеть, и чьи намерения будут пострашнее этого, алкоголем-накачанного гражданина. Так что, давайте проявим свою толерантность к этой единице меньшинства! – с издевкой для Яшки, закончил свою слишком длинную для всех речь Фома.

– Блин, попомните моё слово, ещё придется пожалеть, что мы привлекли к участию этого кадра, – глядя на Фому, Яшка вспоминал свои пророческие слова, сказанные им кое-кому из видных членов партии, которые и слышать его не хотели, и обязали его обаять и увлечь этого мутного кадра:

– Нам нужны новые идеи, без наличия которых нас ждет незавидное будущее.

– На одну зарплату, – как в воду смотрит Яшка, пророчески читая самые худшие опасения на лицах членов, привыкших только повелевать и руководить.

– Так что нам, просто необходимо привлекать новых людей, – приближенный к первым лицам партии, член этой самой партии, упершись взглядом в Яшку, прямо из души проговорил. – А кому выбирать? Не тем решать, у кого нет права на выбор.

– Зашибись... – чувствуя будущие проблемы, так выразил своё отношение к этой кураторской деятельности Яшка.

Хотя, с другой стороны, не часто тебя направляют в командировку во Францию, где под палящим демократическим солнцем, в кругу единомышленников можно будет во всё горло проораться на стадионе во время какого-нибудь матча. А после, где-нибудь в пивном баре,

от души «поклеить» ненавистный диктаторский режим. А всё-таки ловко он продвинул эту тему по поводу знакомства лицом к лицу с западными ценностями, подкинув её всем заинтересованным лицам. И нечего теперь Кацу рожу кривить. Привык, понимаешь ли, раскатывать по странам со своими блочными прелюдиями. Нет уж, теперь придется подвинуться и на двоих нести груз ответственности, ну и чуть-чуть безответственности. Яшка сглотнул накопившуюся слюну, набежавшую от представлений этих французских безответственностей.

– Ну, кажется, следующая наша, – поднимаясь с места, заявил Фома.

– Кажись, – поднимаясь вслед за ним, сказал Яшка, по воле судьбы, которой на сегодня руководил Фома, впервые оказавшийся в этом общественном транспорте.

– Нравится, видите ли, ему ездить с людьми. Тьфу, глаза бы не смотрели! – не смотря по сторонам, Яшка, прожигая своим ненавидящим взглядом спину Фомы, остановился в нескольких шагах от выхода из автобуса.

– П*дор что ли? – слишком четко, целенаправленно и неожиданно для всех и даже для себя инициировал этот запрос пьянчуга, переведя свой взгляд на Яшку, тем самым окатив его холодным душем и выбив остатки терпения.

Что ж, конечно, трудно вот так на ходу, без всякой на то подготовки ответить на столь провокационный вопрос-утверждение человеку, скажем так, не имеющему особенных к этому предубеждений, или по долгу общественной жизни, часто отстаивающему их право на особое слово. И не подумавши выкрикнутое Яшкой: «Кто?!» – быстро обрело свой пункт назначения.

А ведь надо заметить, что этот вопрос подспудно уже витал в головах пассажиров, разделивших своё приложение ответа к разным, несущим в себе предикат действия, лицам, где всё же, до этого выходного момента, лидировал этот пьянчуга, то после прозвучавшего истеричного голоса Яшки, чаша весов начала постепенно склоняться в его сторону.

Ну а что мог ответить пьянчуга, на этот звонко поставленный вопрос, кроме как расплыться в улыбке и, покачивая головой, всем своим видом выразить полное согласие со своим видением этого, напротив, – кто. Видимо, от Яшки не ушло понимание того единодушного одобрения местным автобусным сообществом (и даже беременная, однозначно обработанная пропагандистским взглядом алкаша, авторитарно посмотрела на Яшку) этой выдвинутой пьяницей версии. Он вдруг забылся или, вернее сказать, перепутал значения слов тоталитаризм и толерантность и вместо того, чтобы бесстрастно заявить «Да, я гей!», схватил того за шкуру и начал слишком нетерпеливо допытываться:

– Кто, сука, гей?!

Да, что сказать, сложен путь ко всякой истине и, конечно, можно было бы, следуя демократическим правилам волеизъявления населения, провести выборы и даже организовать референдум среди волей судьбы, оказавшихся на данном пространстве, но, судя по нервному состоянию Яшки, его вряд ли устроили бы результаты этого плебисцита, проведенного точно среди зомбированного населения. Это, между прочим, довольно странно слышать от такого крайне последовательного приверженца идей новой нормальности. Не иначе тоталитаризм, пропитав всё до основания и передаваясь воздушно-капельным путем, занёс свой разлагающий вирус в мозговые клетки и, нарушив работу мозга, заставил действовать такого ко всему терпимого Яшку, совершенно нестерпимо, по отношению к этому пьянице, во всеуслышание заявляющему такие нестерпимые вещи.

И кто знает, к чему бы привел этот дотошный поиск, если бы тряска пьяницы Яшкой, не дала своих вполне ожидаемых прорывных результатов, которые без всякой оглядки на окружающих, густым потоком вылились прямо на рубашку «от Габаны», на этот момент носимую не Габаной, а всего лишь почитателем их дизайнерского таланта Яшкой.

– Вот п*дор, – стряхивая с себя последствия выпитого и съеденного этим алкашом, стоя на улице, Яшка пришёл к той истине, до которой он совместно с пьянчугой пытался дойти на протяжении пятиминутного совместного время приложения в автобусе.

– А кто бы сомневался! – глядя в окно отъезжающего автобуса на Яшку, отражали своё видение истины, невольные свидетели этой трагикомедии, пассажиры автобуса.

– Ладно, я пока забегу к Кацу, а ты пока погуляй тут, – видя безвыходность своего положения, Яшка, не сильно желая, всё же решается зайти в квартиру этого, теперь по жизни ему будешь обязанным Каца.

Что ж, хозяин, даже если он сам себе не хозяин, а всего лишь хрен его знает кто таков, но раз существует такая поговорка, то Фома, не желающий, как это делалось в семнадцатом году, оспаривать имущественные права этих, как оказалось, так себе хозяев, заявил Яшке окончание поговорки.

– Ладно, барин, – направился в близлежащий замеченный им книжный магазин.

– Идиот... – ничего не поняв из сказанного Фомой, в чём, наверное, каждый из слышавших эту сказанную непонятность Фомы, будет солидарен с Яшкой, Яшка, набрал телефон этого, ввиду его большого роста, невыносимого Каца.

Ну а все те, на кого Яшке приходится смотреть снизу вверх, уже по факту данного природного существования считались им невыносимыми, что было даже как-то страшно за Яшку, которому природа уделила очень скромное внимание, не соизволив его наделив даже хотя бы средним ростом... Так что и говорить вам не надо, что, пожалуй, даже и вы, с которым совсем не знаком Яшка, в его глазах однозначно просльзевте невыносимым типом. И наделив того знаниями о своей проблеме, после короткого обдумывания абонента, все-таки получил добро, и уже слегка пройдясь по родственникам этого Каца, о которых теперь мы знаем, что они живут очень далеко на каких-то куличках, отправился на квартиру к этому Кацу.

– Ну, где он? – спустя то время, которое понадобилось для того, чтобы Яшке переодеться в совсем не выходную рубашку, взятую им про запас, спросил он сам себя.

А ведь так хотелось поразить западную цивилизацию таким своим цивильным видом, что выглядит несколько странно и удивительно для понимания этого действия, поразить Габану, напялив на себя рубашку самого Габана – это, конечно, сильно, если, конечно, в таком подтексте работала мысль Яшки, что, судя по его заявленной выразительности, всё-таки частично соответствует нашим предположениям.

– Смотри, бл*ть! – встретив чисто в воображаемой случайности и схватив за воротник Дольче, заявит, обдав его перегаром, этот *паразит* западной цивилизации.

– Non capisco! – попытается возразить ошеломленный Дольче, никогда не думавший, что настанет такой момент, когда крепкие мужские объятия ему не будут в радость.

– Не бзди, Габана, – ничего не хочет слышать этот носитель на себе культурных трико-тажных ценностей.

– Non, non Габана. Ме Дольче, – напряженно пыхтит Дольче, взятый в оборот за свой шейный шарфик этим паразитом цивилизаций.

– А какая, на хрен, разница?! Ладно, только не нуди, я понял тебя, Габана, – отвлекся на мгновение носитель не только ценностей, но и своего всегда с собой, доставая из пакета початую ценность, чем и воспользовался этот, даже не знаю, как его после этого назвать, Габана.

– П*дор, одно слово, – вслед убегающему Дольче, разочарованный в таком пренебрежении к своим изъявлениям любви, бросил этот паразит, уронив очень точно пьяную слезу в горлышко бутылки, чем разбавил находящийся в ней чистый скотч, ну а после уже принялся заглушать этой разбавленностью свою тоску непонимания.

Но сдаётся мне, что воображаемая случайность не столь случайна, как нам кажется, и что она тоже стала жертвой целенаправленной манипуляции судьбоносности, которая, как и все в этом политическом мире, стала коваться в тайных ложах золотого миллиарда. А явный налёт стереотипности за милую выдает наветы на наших соотечественников, который, наверняка, совсем не случайно был занесен на верхний слой политически мотивированного на однобо-

кость подачи материала подсознания Яшки и иже с ним, тогда как второй слой уравновешенности (для внутреннего пользования) рисует нам совсем другую картину.

– Конечно, Габанушка, – сдувая пылинки с голого торса находящегося только в одних лишь подтяжках Габаны, зная необходимый подход для завоевания доверия, отзеркаливается один из выразителей и носителей всех лучших либеральных идей (теперь стала очевидной причина ненависти наших западных людей к собственной стране, ведь все очень просто и лежит на поверхности: так, для того, чтобы понравиться собеседнику необходимо быть или по крайней мере вести себя как он. Вот они и отзеркаливаются, эти современные Алисы в зазеркалье).

– Grazie, Grazie, – щёлкнув по носу выразителю идей пальцем и себя натянутыми подтяжками, улыбнется ему Габана, пока вид бегущего к ним нервно-трясущегося Дольче не выведет его из себя, ну, и этой его задуманной образности.

– Cosa è successo? – Габана поначалу ошеломлён таким развязным видом Дольче, но затем его принцы'п, возьмёт своё, и он уже более понятно изъяснится:

– Где, твою срань, шарфик? – на что, конечно же, Дольче, не имея на то оправданий, только лишь разведёт руками.

Но разве горестным и побитым видом можно снискать снисхождения, когда дело касается престижа. Нет уж.

– Volevo... – пробует было что-то сказать в своё оправдание Дольче, но тут уже за дело берётся этот выразитель идей и, схватив Дольче за пуговицу рубашки, грозно зарычит на него:

– Ах ты, рожа поганая. Говори толком, по-аглички или, на худой конец, по-русски. И нечего мне тут из себя заумного корчить.

– Габана! – с мольбой в глазах, Дольче визгливо обращается за помощью к этому мастеру трикотажа. (А ведь гопники с района, даже не подозревают, кому они обязаны своими коленными растяжкам на трико, которые путем огромного совместного, в поте лица, труда этих модельеров получили свой выход на свет)

– Они уже 35 лет как Габана, – кидает леща Габане этот выразитель идей.

– Non 35. 53 Yes, – уже выводит из себя этот «преувеличитель» возраста Дольче Габану, для которого точность всегда стоит на первом месте (Семь раз отмерь, один раз отрежь – его девиз.), и он, кипя от злости, отстегивает одну подтяжку от брюк и после сильной их натяжки наносит очень звучный щелчок этому самому 53-Дольче. Ну а разве Дольче этим расстроишь, когда ему совсем даже не 53, а 53 с половиной.

– Ах ты, мурло, – Габана офигевает от такой своей забывчивости, которую в своих однозначно коммерческих целях принялся использовать этот прихлебатель с его стола.

И кто знает, чем бы закончилось это выяснение вещей, если бы подсознательный взгляд Дольче не упал на идущего к ним пьяного паразита цивилизации, а сознательный взгляд Яшки не упал на появившегося в дверях магазина Фому.

– Ну, и чего приобрел? – с некоторой ехидностью в словах заявил не державший в руках ничего кроме методичек Яшка, держа в руках непонятно откуда взявшуюся пуговицу от Дольче.

– Да, точно. Пуговица от Дольче, без п*зды говорю, – этим странным обретением материальности, за кружкой пива, спустя энное время, Яшка будет приводить всех в дикий восторг.

– А может без Габаны? – все же найдётся свой скептик среди тех, кому недолили.

– Это как раз ответ на так волнующий вас вопрос, – достав из пакета книгу и подав её в руки Яшки для обозрения, заявил Фома.

– Мифы Древней Греции, – прочитал Яшка и удивленно посмотрел на Фому.

– Что вас удивляет? – Фома не спешит развеять сомнения в лицах современных мифотворцев Яшки и Каца.

– Всё... – решая не молоть воду в ступе, ответил ему Яшка, не забыв при этом прокрутить в голове дополнительное: «...в тебе, сука».

– Не буду много рассусоливать, нагружая ваше сознание той идеологической подоплекой, в которой самоназвание стало сродни самозванию, начиная с этого первого примера, с Греции, который взяли на кальку и стали всю использовать в этом мире, живущем по законам права сильного, дающего ему право на именование и название, – забрав обратно книгу, Фома всё-таки стал размусоливать (что ж поделать, такой уж у него соленый характер). – А ведь главный миф этой книги, как раз кроется в самом её названии...

Фома выставил книгу обложкой к своим собеседникам, ещё раз бросил на них взгляд, после чего продолжил начатое:

– Название «Греция» – это пришлое название, данное стране американцами, тогда как Эллада и есть настоящее название этой страны. И что интересно, так это то, что в свободных источниках упоминается, что именно греки дали самоназвание своей стране Эллада, а политистики, опять не заметив своей ошибки, употребили слово «греки». При этом только греки называют свою страну Грецией, тогда как для эллинов она всегда будет матушкой-Элладой. Так вот... – захлопнув книгу и положив её обратно в пакет, Фома, увидел, что его слушатели ждут окончания этого «вот», которое в виду его неправильной безударности имело право на продолжение.

Решив исправить этот недостаток своей речи, Фома добавил:

– Так вот, разобравшись с Элладой, мы разберемся и со всем миром. Так, наверное, сказал бы Тит Квинций Фламинин, провозгласивший на Истмийских играх свободу греков, вера в которую на короткий срок сделала Рим популярным теперь уже в Греции.

Ну а тебе, Яков, наверное, как никому другому, это будет наиболее понятно, – не дождавись ответной осмысленности действий со стороны своих визави, Фома этим завершающим свои разглагольствования словом, всё-таки закинул искру понимания хотя бы в эту, не слишком симпатичную личность.

Глава 4

Свои «бесполётные» и полётные зоны

Из школьной задачки: «В бассейн из двух труб вливается вода. Из одной трубы со скоростью 37 л/мин, из другой 42 л/мин. За какое время заполнится этот бассейн, который вмещает 31200 л воды, если в нём есть сток, через который за минуту выливается 14 л. воды?».

Желудок Семёна оказался пустым после его утренних заходов в туалет, где остатки переёденного и перепитого вчера во время проводов в эту поездку за границу, не желая больше задерживаться в этом вместилище несопоставимого и несовместимого друг с другом ингредиентного ада, вырвались наружу и тем самым снизили давление на мозги этого новоиспеченного туриста, который загодя или, вернее сказать, за три дня до поездки в Париж принялся очень обильно скучать по родине. После чего Семён, сразу по выходе из туалета (Как раз этого времени хватило, для того чтобы как следует поразмыслить), присоединился к провожающим и начал пополнять свой пустой желудок, чей объём в пустом виде составляет пол литра, когда как после принятия пищи он обычно растягивается до одного литра, но может увеличиться и четырех.

Ну а Семён, как человек, получающий зарплату не на какой-то пластик, а наличкой, можно сказать, был недалёк от всяких математических расчётов, так что цифры ему были не чужды, и он быстро прикинул соразмерность своего желудка и того, что предлагает накрытый стол. Семён сначала без симпатии посмотрел на ожидающие его решения закуски и сваренные пельмени, затем перевёл взгляд на бутылки с различным алкогольным содержимым, и уже с тёплой греющей душу симпатией посмотрев на них, подмигнул им всем и потянулся рукой к одной из них наиболее приглянувшейся.

– Ты давай, долго не раскачивайся. А то смотри, как бы не опоздать, вылет то через три часа, – вечно запоздало лезет под руку Семёну его благоверная, совершенно не понимая логики настоящего мужика, живущего своим девизом «кто не успел (содержимое рюмки мгновенно исчезает внутри Семёна), тот опоздал» (счастливая улыбка на его лице говорит, что рюмка хорошо и вовремя прошла).

– Успею, – отмахивается от неё Семён, в уме которого уже все посчитано и решено. Так при его – Семёна – пропускной способности пятьдесят грамм и одна сигарета в десять минут он за этот оставшийся час до такси, можно сказать, только в себя придёт после вчерашнего. Так что для того, чтобы справиться с предполётным волнением, ему просто необходимо не только слегка ускориться, но и позаботиться про свой запас.

– Давай ещё по одной, на дорожку, – Семён, всё же беспокоясь о том, что он не успеет справиться с предполётным волнением, решил пойти на внеочередную добавочную дозу. Что, конечно же, не нашло ни у кого из сидящих за столом возражений, кроме его благоверной, чья обязанность в общем-то и состоит в том, чтобы выражать недовольство. Так что для Семёна она не идёт в расчёт, когда как верные кореша – вот та истинная инстанция, перед которой он не имеет право упасть не то чтобы в грязь, что вполне допустимо, а лицом в какой-нибудь необходимый для закуси салат. А то, как потом тем, не воспылавшим такой близкой любви к салатам, закусывать. Ведь их неуравновешенные руки могут промахнуться и попасть вилкой не в тот видный край салата, в горошек, а прямо в ухо возлежавшему в нём. И пойдя потом, утром объясни самим себе, для чего они, поддавшись уговорам друг друга, о чём они не помнят, но, кажется, догадываются, пошли на этот эксперимент с протыканием уха, когда ни у кого из них даже сережки в наличии нет.

– Давай ещё по одной, на дорожку! – чокнувшись сам с собой в зеркале аэровокзального туалета, Семён, удивлённый такой своей быстрой телепортацией из-за стола квартиры

в аэропорт, не дожидаясь, пока тот в зеркале надумает начать первым, припал к горлышку бутылки и быстро её освободил от остатков содержимого. После чего, убедившись в том, как его зеркальный друг справился со своей схожей задачей и, оставшись довольным, выбросил эту ставшую ненужной тару в урну для мусора. Далее Семён, дабы своим жизнелюбивым видом не сильно смущать находящихся на службе контроля женщин, одевает свои полужеркальные очки и очень ровным шагом направляется к выходу из туалета. Ну а там, как и следовало ожидать, кроме дверных косяков встречаются свои косяки на двух ногах, которые, не умея так прямо двигаться, как это умеет делать Семён, обязательно перейдут ему дорогу и столкнутся с ним на пути.

– Прошу прощения, – оказавшись плечом к плечу с Семёном, Фома, ощутив несомый этим случайным попутчиком стойкий запах его «уверенности в себе», решает, что лучше будет не оспаривать у того право на самобытность, и поэтому таким словесным образом уступает ему дорогу.

– Извиняю, – для Семёна его правота даже не оспаривается. Так что этому попутчику ещё повезло в том, что ему надо спешить на посадку, а то бы он, конечно же, показал, как надо извиняться. Умение правильно извиняться – это основа основ в кругу Семёна, в котором, пропуская через себя слёзы извиняющихся перед ними (Для понимания которых Семён и его товарищи никогда не скупятся пустить в ход все свои физические способности.) таким общепринятым образом через раскаяние извиняющихся приближают их, почти что к нирване.

Но так как, по мнению Семёна, Фоме повезло, то он не стал зря тратить время, а использовал по назначению свой заход сюда, затем умыл руки, после чего вышел в вестибюль и принялся ждать более целеустремленных, основательно подходящих ко всякому делу своих полётных товарищей Яшку и Каца. Которые, заняв свои отдельные кабинки, пока что не спешили обрадовать ждущего их в вестибюле Фому, ну а также других ожидающих своей очереди у их кабинок напряжённых лиц.

Впрочем, Фома особенно не расстраивался на их счёт. Он давно уже понял: даже если бы у кого-то из них было расстройство живота, то разве для тебя это может быть так же близко и естественно переживаемо? Да, ни в коем разе. Хотя ты это можешь прекрасно знать и понимать, ведь с тобой, как и с любым живым организмом, случалось всякое «такое и даже не такое». Как и многим, тебе понятно, и, может, даже очевидно, как это бывает и чем грозит. Но, что примечательно, тебя это совершенно не тревожит, и даже если у твоего товарища безумно болит зуб. Хотя, о таком недуге, даже вспоминать и то становится самому больно. Но у тебя сейчас не болит, вот и ладно, вот и хорошо. А чьи-то страдающие гримасы, не являются для тебя призывом к сочувствию. Мы помогаем лишь тому и тогда, когда видим, что это экстренно нужно.

– Хотя подожди, не отворачивайся... и сделай улыбку, – «щелчок», убирает телефон довольный приятель, сделавший это памятное селфи. Глядя на него, когда-нибудь потом, его друг с зубной болью вспомнит себя в эти волнительные минуты и однозначно захочет поблагодарить своего товарища за такую удачную фотографию. А чтобы благодарность была более запоминающейся, осуществит её именно кулаком да прямо в зуб.

Но Фому волновало другое, а именно его полёт. Так как он по выпавшей ему жизненной случайности сегодня должен был лететь первым. А ведь всё то, что относится к высшей категории «первый», всегда требует наивысшей ответственности, где нельзя сплеховать и нужно вести себя так, как будто бы этот раз для тебя был далеко не первый. Что, в общем-то, противоречит самому значению «первичности». Этому первому подходу, где ты как новичок, для которого всё подлежит исследованию, просто обязан растеряться, накуролесить или попасть впросак, а не туда, куда все ждут (Так, если ты такая умная, то могла бы и помочь, руки не отвалиться.).

Ну а первый полёт, он, наверное, как и категорично последний, самый незабываемый. И Фома, стоя здесь, в вестибюле, вместе с волнением, в которое он уже начал погружаться, старался быть внимательным ко всему окружающему, пытаясь запомнить все эти лица и обстановку по пути к самолёту. И всё же по пути от стойки регистрации до посадки в самолёт, он даже не успел толком разглядеть эту расторопную девушку, которая, вручив ему билет, быстро отправилась дальше по следующим инстанциям, предваряющим всякую посадку в самолёт. А ведь до неё, ещё нужно пройти извилистый путь по разным этажам здания аэропорт.

А там тебя ждут различные приятные и не слишком лицеприятные взгляды, направленные, чтобы разглядеть в тебе то, чего ты даже за собой не подозреваешь. Ну а если ты не поддашься на этот визовый и видимый контроль, то тогда тебя в одном месте постараются просветить. И если уж там в твоих носках не обнаружат что-нибудь запрещённое к провозу, то уж тогда ты сможешь облегченно вздохнуть воздухом свободы и, сев в автобус, перевозящий пассажиров от здания аэровокзала до самолёта, там всех и взорвать... своей шуткой о своих носках, чьи незадекларированные дырки, ты смог в обход бдительного око контроля, провести в них; когда как в носках вообще запрещено что-либо провозить.

Но Фома, сев в автобус, не стал поражать окружающих какой-нибудь подобной шуткой, да и к тому же и причин для этого у него не было. Ведь он одел для первой своей поездки всё новое и похвастаться насчёт дырок в носках, он однозначно не мог, а пользоваться скрытностью этого предмета одежды в своих тщеславных целях не захотел. Так что Фома, зайдя в кабину автобуса отдельно от своих товарищей по поездке, явно предпочитающих свою компанию ему, начал приглядываться к окружающим людям, среди которых, он должен был совершить свой первый полёт. И хотя со временем, где-нибудь на десятом его полёте, эти лица выветрятся из памяти, то тогда какой смысл запоминать все эти, по большей части не очень приятные, а некоторые и вовсе очень противные лица. Но всё-таки, это имеет свою, сию моментную значимость, которая, возможно, существует на подсознательном природном уровне.

И если ты к своему первому полёту или какому-нибудь другому первому действию, не подойдешь с такой обязательной ответственностью, то, вполне вероятно, твой первый раз, возьмёт и не состоится. Ну, например, погода мгновенно испортится, ну а полёт в связи с этим отложится до неизвестного никому, кроме тебя, времени. И лишь когда ты, вновь обретёшь ответственный подход к делу, то твои соседи по рейсу, вздохнут с облегчением и, найдя свою причину задержки рейса: «Говорят, пилот нажрался, вот из-за одного этого гада, все и страдают», двинутся к выходу на посадку. Но ты-то знаешь истинную причину этой задержки, но не станешь об этом никому говорить. Ведь никто не поверит, ну а если поверят, то разве тебе будет от этого легче, когда каждый второй поверивший тебе захочет наказать тебя за свою веру в тебя, из-за которой он опоздал на очень важную вечеринку, где вино льётся рекой, а лунно-ликие гетеры, девственного образа, уже ждать заждались своего шаха и мата.

Но, кроме всего этого, Фома не раз слышал и сам был предубеждён о том, что для каждого рейса западной, а все летящие в эту благословенную даль уже, можно сказать, находятся под крылом этого современного мейстрима, предусмотрена своя «All inclusive» программа, где обязательным элементом должен быть алкоголенасыщенный хулиган, который, где-нибудь, на высоте пяти тысяч метров, обязательно захочет повеселить всю летящую публику.

Так пробегаясь по лицам рядом стоящих людей, Фома пытался первым увидеть этого будущего героя, который, трудно сказать почему, но так на глаза ему и не показывается. И Фома, испытывая, с одной стороны, сожаление, а с другой облегчение, решает больше не тревожить своим внимательным взглядом соседние лица, которые, если бы Фома узнал, то, скорее всего бы, сильно удивился, уже сами заподозрили в нём, этого будущего в генеральских погонах, ФСБ героя.

Хотя, наверное, этот будущий герой одного представления, как и всякий актёр перед выходом на сцену, старается вести себя неприметно. И, держа себя в определённых обстоя-

тельствами рамках, пока что прорабатывает текст или же просто изучает публику, перед которой ему, в скором времени, придётся выступать. Ну а уж как только он попадёт на воздушное судно, то тогда там и начнёт на виду у всех распоясываться и балагурить (А ведь предупреждали, что нужно как раз, наоборот, пристегнуть ремни.).

И ведь какая любопытная вещь получается, что только оказавшись на борту самолёта, лишь тогда наш герой и обретает звучный голос, когда как до посадки сюда, о нём, можно сказать, не было слышно, ну и к тому же и не очень видно. Так что, вполне можно предположить, что не только алкоголь, этот спутник всех полетофобов, мог послужить такому вызывающему поведению, пока что кого другого, а не вас. А именно сам воздух в салоне самолёта, своей разрежённостью и углекислой накопительностью, а также свобода от Земли, да и плюс осознание того, что ещё мгновение, и этот лайнер унесёт тебя в дальнюю страну свободы, оставив позади страну работы, не может не опьянить и не развеселить особо чувствительных к кислородному насыщению пассажиров, чей дух так и захватывало от всего этого. Оттого они и повели себя здесь, в салоне самолёта, не слишком адекватно.

Пока же все перемещения и приветливая, благодаря очень милым стюардессам, (Данный стереотип, своим реальным существованием, определённо радует глаз.) посадка на борт лайнера, вызвала у Фомы лишь приятные впечатления. Да и то, что его посадочное место оказалось сбоку, отдельно от мест его товарищей, очень даже устроило как Фому, предпочитавшего первый раз нервничать в полёте наедине с собой, а не под прицелом, хоть и чужих, но всё же уже знакомых лиц, так и его спутников, которые, заподозрив в нём полетного новичка, не хотели брать на себя ответственность за его возможное нервно-безответственное поведение.

И хотя под боком у Фомы, на соседнем с ним кресле, не оказалось прекрасной незнакомки, а всего лишь какой-то очкастый тип, который не вынимал головы из своего телефона, а с другой стороны помещался меж кресельный проход, что уже хорошо для тех, кто решится посетить гальюн или как там его на воздушном судне называют, всё это было необходимыми мелочами, кои никаким образом не могли отвлечь Фому от своего волнительного настроения.

Ну а пока длится эта предполётная суматоха, для каждого места находятся вместилища себя самого. И они, чтобы полёт прошёл так, как нужно, предпринимают свои обременительные для кресла вместилильные действия, и уже после того, как, накрутив в нужном положении складки кресла под собой, с облегчением выдыхают и раскладывают на коленях то, что, по их мнению, скрасит их полёт, и принимаются сверлить взглядом окружающие кресла.

Что же касается Фомы, то он, привлечённый яркой обложкой журналов, находящихся в спинке переднего кресла, сориентировавшись в их предназначении, не стал спрашивать разрешения их прочитать у хозяина этого кресла. А достав журнал, принялся изучать обрисованные в нём правила поведения при перелёте и значимость этой лётной компании, на самолёте которой, ему выпало счастье (А не за деньги, как можно было подумать.) лететь, для народонаселения страны и Фомы в том числе.

И если всякая там полётная статистика, не вызвала у Фомы особого интереса, то правила поведения в полёте, которые для лучшей наглядности были поданы в виде комиксов, очень даже сильно его заинтересовали. Ну а комикс, этот жанр литературного искусства, зародившись на западе, оттого, наверное, несмотря на видимую его простоту, не слишком понятен для нашего человека, привыкшего к иносказательности видения даже самого простого. Так что, нет ничего удивительного в том, что эти картинки с правилами, призванные предостеречь вас от неправильного поведения, из-за неправильного понимания их иногда приводит к противоположному результату. Что ж поделать, раз чуждая культура требует очень внимательного и бережного подхода, где любое недопонимание может быть неоднозначно воспринято людьми другой культуры.

«Интересно, что бы это значило?» – задался вопросом Фома, вообразив вместо нарисованной на картинке девушки, реальную и очень даже ничего девушку, которая, можно ска-

зять, только уже одним своим видом, напрашивалась на знак вопроса, который возник у этого типа, нарисованного на картинке и взирающего на девушку с таким пририсованным вопросительным знаком. Что, в общем-то, очень логично и правильно во всех случаях жизни, где все девушки позиционируют себя как загадка, для разгадки которой без вопроса не обойтись. Или, может, составители этого комикса глядели дальше и обрисовали ситуацию так, что пора бы тебе уже парень вырасти и точно знать, что почём, а не задаваться такими само собой разумеющимися вопросами. – И ведь, блин, точно», – запоздало заметив пририсованные рядом со знаком вопроса деньги, Фома, чья рассеянность, как оказывается, носит выборочный характер, наконец-то, проявил догадливость, на которую очень рассчитывали составители этого комикса и та девушка, с неумещающимися в вашем здравом уме ногами. Так она, с помощью своего неприкрытого поведения, давно дала понять этому, ещё задающему себе вопросы тупице, чего она стоит. Хотя, наверное, как раз вопрос стоимости, в основном и обыгрывается в этом сюжете, где один боится переплатить, а другая не желает продешевить.

«Нет, так нельзя», – может показаться, что Фома в своём порыве, правда, внутреннем, всё-таки осуждает действия задающего такие вопросы типа, после которых, скорее всего, отпадут все вопросы насчёт него. Но следующее слово, очень тихо, практически про себя, сказанное им: «Рисовать», наводит на мысль о том, что Фома в своём выражении имел в виду что-то другое. Скорее всего, то, что попадись на месте Фомы, более несдержанный и прямо на всё отвечающий человек, то, глядишь, он не выдержит и, озвучив своё, однозначно скабрёзное видение этой ситуации: «Проститутка. А кто же ещё, ведь бл*ди денег не берут. Так что рот закрой, шалава», – и разразиться весёлым смехом, который оглушит всех окружающих и особенно ту, рядом с ним сидящую особу женского пола. Ну а на неё, после всего им сказанного, воззрятся все рядом и даже очень не рядом сидящие, но зато очень неслабо слышащие.

И если с этой первой картинкой более или менее было всё ясно, то следующая, на которой был изображён очень веселый тип, чьи длинные ноги, не найдя удобного положения на полу, вдавились подошвами в спинку впереди стоящего кресла. Это, конечно, при таких маленьких расстояниях между креслами смахивает на сюрреализм, ведь для осуществления такого действия придётся очень постараться. Ну, в общем, впереди сидящий, ощутив на свою спинку кресла такое давление, которое, между тем, было выполнено не постепенно, а очень даже, в один удар мгновенно. Отчего он, с виду та ещё беловоротничковая плесень, которая при каждом ударе судьбы пускает сопли и слёзы, быстро оформляется во всю эту слезную сопливость, что в несколько щадящем режиме было изображено на этом рисунке, когда как этот ножной весельчак не мог сдержать счастливой улыбки. А вот тут-то, как оказывается, и было Фоме и всем рядом с ним сидящим, было наглядно продемонстрировано то, что, как оказывается, Фома не одинок в своём субъективизме. И что для некоторых очень живых личностей существует, как и для Фомы, своё понимание представленного на их оценочный суд этого комиксного обозрения.

А ведь Фома после первой нарисованной картинке, явно основанной на реальных событиях, уже предчувствовал, что когда-нибудь, возможно, но хотелось бы не сейчас (В каждом живёт своя доля допотопного эгоизма.), найдётся человек, живущий непосредственно и очень прямодушно (что, конечно же, практически невозможно в наше время кривотолков, на что, видимо, и рассчитывали составители этих рисунков), и, восприняв этот рисунок как должное руководство к действию, предпримет все эти нарисованные шаги.

Что и было продемонстрировано, несмотря на желание или крайнее не желание спереди сидящего Яшки, чьё тело получило своё неожиданное через ускорение от резкого и, главное, неожиданного удара от сзади находящегося, как сама непосредственность, человека, в котором ясно вырисовывался возжелавший большего комфорта для своих ног, Семён, для которого довольная улыбка этого типа на картинке означала только одно. И он, не задумываясь, и привёл в действие этот обозначенный на картинке приём. Отчего Яшка, воткнувшись со всего маху

носом уже в переднее кресло, расплющив его и пустив из него сопли с кровью, очень точно и даже несколько более красочно, передал художественное видение реалий жизни, которые с таким верным прогнозированием были изображены на этом комиксе (вероломность удара сзади не позволила вовремя включиться рефлексам, и поэтому рукам оставалось только развести себя самим и то только гипотетически).

А что должно было произойти дальше, то этого на рисунке не было предусмотрено, что ввиду разности людского генотипа или сознания, невозможно предположить. В свою очередь это единственное, что было очень точно подмечено составителями этих полётных правил, и, значит, только личные качества индивидуумов, оказавшихся в такой одновременно простой и непростой ситуации определяли дальнейшее развитие этой сюжетности. Но вот что интересно, так это то, что, как показало поведение Яшки, позиционирующего себя с просвещённой либеральной надстройкой, всегда требующих от жизни системного подхода, с его определяющими саморазвитие правилами.

И вот они, в реалиях жизни столкнувшись с их проявлениями, почему-то всегда удивляются этой вне системности или, лучше сказать, систематизмам, которые и могут существовать только будучи частью какой-нибудь системы. Правда, все эти любители системного подхода и сами, исходя из своих предпочтений, где их обязанности ограничены правом на их высказывания, выбирают для себя ту часть системы, которая находится вне юридического права воздействия на них, в так называемой внесистемной позиции.

И если либеральная душа Яшки, ради справедливого распределения блага, готова со всей своей яростью, обрушиться на эту систему, в которой он по немилости власть предержавших, оказался на обочине распределения народных благ, которые, по его рассуждению, тратятся не должным образом, то, оказавшись лицом к лицу с её представителем (блага), он, прекрасно зная лицо этого, самым им придуманного неблагодарного народа, отчего-то впадает в ступор, когда на его пути встаёт именно такой, имеющий своё существующее место в жизни человеческий типаж.

– Как это понимать? – схватившись за нос и состроив страдальческое лицо, возмущительно визгнул на это хамло и на окружающую свидетельскую публику Яшка.

– Да как хочешь, – Семён, для которого фраза «весь мир бардак, а все бабы бл*ди», была фундаментом жизни. На нём держалась вся отвечающая за его разумение надстройка, всегда помогающая ему смириться с этим не совсем, по его разумению, смиренным миром. Но пока в данный момент приятных на вид дам, молодого или даже среднего возраста рядом не наблюдалось, то Семён решил ограничиться первой частью этого правила, переведя взгляд с неприятных губастых черт, поглядывающей на него до чего противной тётки, на этого, не понятно чего раскипятившегося слизняка. И он, не любя такие шумные вещи на людях, и предлагает тому бесконечное окно возможностей для понимания случившегося.

Ну а когда тебе, можно сказать, всё разрешают, то тут-то и попадаешь в свою «не знаю что сказать» паузу, из которой, между прочим, не так уж и легко выйти. Ведь ты так много и очень сильно хочешь сказать, что сразу и не разберёшь, в какой очередности представить все эти свои «хотелки», в которых, судя по зверскому взгляду, брошенному на этого небритого вида гада, имела место выборность, от ручного вбивания того сквозь землю куда-то туда, в адскую внутрь, до предоставления ему шанса увидеть небеса, правда, в мгновенном, очень скоростном полёте, организованным после того, как самолёт подыметесь вверх, за облака. После чего, этого типа, Яшка собственноручно, пинком, без парашюта отправит покорять заоблачные высоты.

– А ты скоро, уже больше ничего не захочешь? – на волне внимания к себе, резко спросил Яшка, как человек, мотивированный мстостью, для которого выбор желаний ограничивается самой мотивацией. И пока численное преимущество обращенных взглядов за ним, то разве он может не воспользоваться таким моментом и не выказать свою значимость, от которой этому, да и кому другому не покажется мало.

– Чего? – Семён, чья слава, на мгновение, обнаружив себя через этот двигательный маневр ногами, который, скорее всего, был последней его судорогой перед погружением в сон (А не то, что там Фома себе навывдумывал), и вместе с его глазами, началась постепенно закатываться, даже несмотря на возню Яшки и его соседа Каца, который поначалу очень испугался такой будоражащей спину и голову турбулентности, обрушившейся на Яшку сзади, отчего он даже рефлекторно откинулся в сторону к окну, ну а потом, заметив, что турбулентность имела единичный, целенаправленный случай, даже в некотором роде обрадовался, что он очень предусмотрительно выбрал для себя это место у окна.

– Надо позвать стюардессу, – Яшка, видя, что его угрозы проходят мимо ушей этого развалившегося типа, который даже не собирается... да ничего не собирается, кроме как спать. Так что он этим последним доводом, обращённым к Кацу, хочет найти поддержку.

– Да, позвать стюардессу, это было бы неплохо. – Из глубины себя реагирует Семён.

Произнесённое Яшкой слово «стюардесса» магически действует на Семёна, который взбодрившись на мгновение, даёт свой положительный ответ на это предложение и тут же уходит в себя. А ведь между тем Кацу, можно сказать, не то что не дают слова, а наглым образом, просто берут и вырывают из контекста смысловую значимость сказанного Яшкой, отчего ему становится нестерпимо обидно, когда как Семёну благодушно сонно.

И, наверное, Семёну, несмотря на то, что он уже покаянно опустил голову себе на грудь (Явно выполняет описанные на рисунке действия, рекомендованные в случае возникновения опасности на самолёте.) и начал выдавать звуки, похожие на посапывание, чем, конечно, уже никого не введёт в заблуждение (Знаем мы этих ванек-встанек, только произнеси заветное слово «наливай» или тоже «стюардесса», то они уже тут как тут), так что, если кто отнёсся неуважительно к Яшке, то тому не то что несдобровать, а на век запомнится.

И вот Яшка поднимается с места, нет, не для того, чтобы нажать кнопку вызова стюардессы, а, скорее всего, для того, чтобы лично, с помощью своего голоса, потребовать от стюардесс внимания к своей персоне. Но, к его замешательству – их на сегодня уже перевалило через край – неожиданное шумное появление самых неторопливых пассажиров, которые своим громгласным поведением оттянули всё внимание на себя, не позволило Яшке, ввиду явной бесполезности таких действий, раскрыть рот, в этот, как он считал, не требующее промедления мгновение.

Нет, конечно, Яшка мог бы поднапрячь голосовые связки и возмутиться таким невниманием к нему, если бы не зашедшие пассажиры специфической наружности. А всё их фанатский вид, со своими обязательными атрибутами, как определяющая их фанатизм символика, в которую, можно сказать, был завернут каждый из них, ну и нездоровый фанатский блеск в глазах, вызванный смесью внутреннего безумия и внешних сопутствующих бодрости неизвестных в купе с очень известными средствами. Что, конечно же, не может не отразиться на их поведении, которое и в обычном состоянии было не слишком благодушным для окружающих.

Ну а сейчас пьянящий воздух салона самолёта, однозначно вскружил им голову, отчего они разориентировались и никак не могли определиться, где их места. Что, конечно, очень трудно сделать, когда твоё желание сидеть со своим корешем или лучше, вон с той симпатичной девахой, не совпадает с указанным на вашем билете месте. Так что, молчание Яшки, можно вполне понять, ведь эти неопределившиеся со своими местами в самолёте, вполне вероятно, могли не обойти своим вниманием место Яшки, и поди потом докажи им, что он не козёл, да и к тому же тот тип, кто своими длинными ногами вызвал в нём этот переполох, уже успокоился. Ну и Яшка, решив быть благодушным, дал тому шанс и уселся обратно на своё место, взял журнал и принялся очень внимательно изучать, что там в нём написано.

Но если судьба решила тебя сегодня не обойти стороной, то, как бы ты там увлекательно с головой, не вчитывался во что-нибудь и даже в себя, ей, заметившей твою противную или, может, очень даже симпатичную, хотя, наверное, всё же противную физиономию, будет совер-

шенно наплевать на твою занятость. И она без твоего разрешения и очень даже без предупреждения, возьмёт и обрушится на тебя всей своей судьбоносностью, которая почему-то всегда, чрезмерно весит и при этом любит дыхнуть перегаром тебе прямо в лицо.

– Опля, – выдохнул Яшке в лицо вместе с этим восклицанием, убийственным запахом чеснока и перегара, не дошедший до своего места, один из носителей судьбоносности и символики, однозначно самый грузный фанат своего дела (Судя по всему, распивания пива.).

– Промазал, – спустя мгновение, добавил грузный фанат, заметив перед собой раскрасневшееся трепетное лицо Яшки, который, находясь в этом прессовом ступоре, ещё не мог сообразить, как ему повести себя.

– О-ба, Семён, – грузный фанат, заметив сидящего на следующем кресле, сохранявшего сонную невозмутимость Семёна, забыв про всё, обрадовано потянулся поверх кресла к нему, в результате чего, конечно, до Семёна не дотянулся, но вот для Яшки этот новый маневр фаната, вышел пузом прямо ему в нос. А ведь он чуть не задохнулся от этого стойкого пузного запаха, которыми так обильно пропитаны все жировые складки, составляющие всякое пузо. Так что у Яшки не было другого выхода, как вывернуть шею в бок и уже там, со страданием глядя в проход, попробовать вдохнуть или найти хоть какой-нибудь помощи, даже у смотрящего на него Фомы.

– Давай, на своё место, – теперь уже не успел сообразить грузный фанат (Правда, ему сегодня, как и Яшке, редко удавалось что-либо успеть, ну а соображать он с детства не слишком торопился), как Фома, у которого, как оказалось, сил было достаточно, приподнял того с Яшки, выразительно дав понять направление своей отправки, и некоторым боком отправил вперёд к своим товарищам; они, в отличие от него, не промазали. И если Яшка определённо с благодарностью посмотрел на Фому, то этот грузный фанат, скорее всего, не испытывал таких же чувств к этому охеревшему типу, которому прямо тут, на месте, надо преподать урок вежливости, для чего, собственно, он, ища поддержки, и посмотрел на своих товарищей по фанатскому делу. Которые, конечно, когда дело касается чести, требующей своего отмщения, не против кого-нибудь попинать.

И наверное, это в скором времени, так и было бы проделано с Фомой и ими, выпнутыми службой охраны из салона самолёта обратно на оземь, если бы не появившийся в салоне самый неторопливый, внушительного мышцевого вида пассажир, приходящий и проходящий всякие регистрационные стойки в самую последнюю, но, как он говорит, в самую наиважнейшую и ответственную минуту. В такую минуту он и появился здесь, у входа, и спустя определённое им мгновение, потраченное на оценку обстановки, уже оказался рядом с этим грузным фанатом.

– А ну успокоились, – тон сказанного неторопливым пассажиром, не предусматривал возражений у мигом успокоившихся, видимо, каким-то боком его товарищей, которые тут же притихли и, решив взять пример с Семёна, занялись сонной релаксацией.

– А тебя, Борис, ждёт отдельный разговор, – эта фраза в устах неторопливого пассажира прозвучала как приговор для Бориса – грузного фаната – который, побледнев от услышанного, быстро занял своё место и уже до самого окончания полёта от него нельзя было услышать ни слова.

– Прошу прощения за своих товарищей, – отдав дань вежливости Фоме и Яшке, этот неторопливый пассажир, явно внушающий уважение, через которое, скорее всего, и пропустили через контроль эту часто не транспортабельную в самолётах пассажирскую публику, обнаружил своё место и тут же уселся. Ну а когда все возмущающие ваше спокойствие вещи наконец-то заканчиваются, то сердце обретает спокойствие, которому придаёт размеренность полётное движение. В нём ваше свободное время, от пункта А до пункта Б, ограничено только салонным пространством и на помощь вам может прийти только воображение, на которое

только и приходится надеяться и уповать в полёте. Ведь кроме сонного занятия, небольшого перекуса и почему-то быстро надоедающих технических игрушек, больше нечем и заняться-то.

Для тех же, кто впервые летел в новое место, в воображении, трансформировано под собственное «я», представало многое из того, что он дозированно получал из средств современной информации, которая, как всякий предполагавший, как, например, Фома, скорее всего, во многом искажает действительность. И, как это часто бывает, представленное им будет совершенно не совпадать со встреченным. Но, главное, его в основном волновало то, как всё-таки его встретит этот новый для него мир. А для тех, кто летел туда, как к себе домой, больше вызвали интерес вещи, относящиеся к определённом прошлому, к так называемым переживаниям пережитого, что ожидаемо, формирует его дальнейшие поступательные движения вперёд.

– Там вас в аэропорту встретит Люси, – обратился к Яшке (Чьё памятьное воображение, включило это предвещающую его путешествие прошлое), развалившийся в кресле, облизнувшийся при упоминании этой Люси, хоть и видный, но предпочитавший держаться в тени, ключевой представитель спонсорского сообщества, определяющего стратегию дальнейшего развития, так сказать, вектор направления одной из известных в кругу избранных партий одного из толка.

А вот какого, то с этим дело обстояло весьма не просто, ведь даже, наверное, сам чёрт сломит свою левую ногу, так и не поняв сути этих классификационных моделей, где правые тянутся к левизне, а левые так и стремятся, дав по рукам правым, притиснуться к центровым. Хотя, скорее всего, весь этот толк сводится к одному: левый толк, как самый невыдержанный и в некотором своем роде, идущий в авангарде всякого нового движения, близкого к революционным, обливаешь обвинениями в консерватизме и отсталости (Так, для примера.) правый толк. Ну а тот, дабы не прослыть бессердечным и неотзывчивым, со своей стороны не жалеет конструктивных помоев (Либералы чёртовы.), которыми он обильно поливает левый толк. А вместе они, выходит, что друг друга моют.

А Яшке, вызванному перед поездкой на инструктаж, в это какое-то левое офисное здание, где находилась спонсорская, абсолютно некоммерческая (Только ради идеи.) организация, как они называли между собой: «а-Ну КО» (Не девушки и не парни, а новое «оно».), которой и руководил в этих мягких креслах под коньячок (Конечно, только в обед, а то мало ли ещё чего подумаете. А, они вот ведь как болеют за дело, что даже в своё личное обеденное время стараются думать не только о насыщении своего желудка, но и о том, чтобы маковая росинка появилась и в устах всех нуждающихся в пище.), этот ключевой представитель определённых структур, чьё имя было у всех на слуху и поэтому не имело большого смысла употреблять его в суе (Так сказать, ради сохранения длины вашего языка, имеет смысл помолчать.).

Правда, надо сказать, что и в этом Гранд-Опера храме, нашлись свои позиционеры, явно перебравшие духа свободы, уже и не ясно, свои или чьих будут, скрытые, либерально, со своими недопустимостями, смотрящие на либеральные идеи, которыми пропитан воздух этого гранд-офиса. Так в минуты явного неосмотрительного воодушевления, в перерыве между подачей закусок и речей видных деятелей, приглашённых сюда в последнее прибежище свободы, где-нибудь в курилке, один из этих совершенно отвязных, выбравших для себя абсолютную вне системность в этой внесистемной оппозиции начал позиционировать себя, пуская дым из сигары, которую он стрельнул у посла одной страны, с симпатией смотрящей на всякую оппозиционность, а пару других позаимствовал в неосмотрительно оставленном ящике, стоящем в нише шкафа. Так вот, сделав этот глубокомысленный выдох, такой независимый внесистемник Антон, заявляет: «Только и знают, что понукать нами». Отчего наверняка у всех стоящих рядом с ним и слышащих такие дерзновенные речи, тут же холодком обдало внутри, и дух захватило от такой уму непостижимой дерзости этого, однозначно, смельчака Антона.

– А меня, может быть, не устраивает этот их диктаторский стиль, – Антон, возможно, хватил лишка там, в конференц-зале, отчего он определённо уже хватил лишка здесь. Что для самых предусмотрительных, становится сигналом к выходу. Ну а Антон, оставшись один (неосмотрительных, как оказалось, в этом кругу не бывает), сплюнул за последним вышедшим и, закрутив глазами, принялся размышлять над горькой судьбой любого внесистемного оппозиционера, чья участь заключена в том, чтобы вот так стоять в одиночестве на этих затворках и курить чужие сигары.

Но памятливая мысль Яшки, не взволнована этими помышлениями Антона. Ведь Яшка оказался в числе очень осмотрительных, и поэтому Антон сейчас сидит в кутузке, а он, в отличие от него, летит в город любви, Париж, о котором, конечно, хочется помечтать, но это ему не дает сделать влезший в тот памятный разговор, второй противный тип, занимающий своё мягкое место рядом с ключевым представителем этого «а-Ну КО».

– А ты-то чего облизываешься? – заржал второй, менее видный член этого сообщества, который, дабы скрыть свою оплошность в поедании сочной курочки, пустившей соки ему не только по губам, но и на воротник рубашки, решил таким способом, указав на Яшку, отвлечь внимание от себя. А ведь Яшка только лишь подумал пооблизываться при воспоминании аппетитной Люси и поэтому, никаким образом, не показывал свои намерения, что, конечно же, было инсинуацией со стороны менее видного члена.

– Ничего я не облизываюсь, – только сейчас облизнув губы и тем самым, совместив два в одном, Яшка тем не менее, твёрдо отстаивает свою точку зрения.

– Облизываешься, – не менее твёрд в своем утверждении, впитывающий в себя сочность курочки второй господин.

– Да я... – несколько сбит с толку Яшка, уже не знающий, как себя дальше вести.

– Ладно, можешь облизываться, но только это, и ничего сверх того, – обильное слюноотделение, вызванное представлением этой Люси в некоторых пикантных на грани образах, после этого внутреннего отлива, вызвало сухость внутри этого господина, который, взбодрив себя вином из фужера, посмотрел строго на Яшку. Его сравнительная с ним молодость не внушала доверия в столь щепетильных делах, и поэтому он, и огласил этот указательный приговор.

«Но почему?» – чуть не вырвалось у Яшки, для которого привлекательность Люси, была сопутствующим его желаниям фактором и просто грех не использовать его в личных целях. Впрочем, здесь это не приветствуется открыто и поэтому приходится сдерживаться на виду, а уж не на виду, то это совсем другое дело.

– Хочешь, наверное, спросить, почему? – второй господин своей пронизательностью, заставляет Яшку вздрогнуть.

– Да нет, – найдя в себе силы, Яшка идёт в отказ.

– Нет или да? А то что-то не совсем понятно, – второй господин, явно хочет довести Яшку и лезет со своими вопросами.

– Нет, – снова твёрд тот.

– А я говорю, да, – издевательством этого второго господина уже нет предела.

– А ну, замолчали оба, – устав от этих препирательств, а может, просто оттого, что поперхнулся от этих незамолканий, ключевой представитель, решил вмешаться. – Значит, так. Слушай меня внимательно, – ключевой представитель грозно посмотрел на Яшку, который, вжав голову в плечи, принялся внимать. – Мы не поощряем всякий кривотолк в сторону наших рекомендаций, а это значит одно: непонятливым здесь не место. Так вот, я тебе сейчас задам несколько вопросов и если не увижу должного понимания, то тогда, можно сказать, нам не по пути, – ключевой представитель внимательно посмотрел на всё так же стоящего по стойке смирно в середине кабинета Яшку, после чего, не дожидаясь ответа, начал задавать вопросы.

– Вашим гидом по Парижу будет француженка Люси, – первый же вопрос не вопрос (А что тогда?), произнесённый ключевым представителем, смёл в Яшке все остатки самоуве-

ренности, и перед его глазами встала любимая кинокартина детства, которая метафорически получила своё развитие в его воображении:

«Карабас Барабас и Дуремар подкреплялись жареным поросёночком. Хозяин подливал вина в стаканы.

Карабас Барабас, обсасывая поросячью ногу, сказал хозяину:

– Дрянь у тебя вино, налей-ка мне вон из того кувшина! – и указал костью на кувшин, где сидел Буратино.

– Синьор, этот кувшин пуст, – ответил хозяин.

– Врёшь, покажи.

Тогда хозяин поднял кувшин и перевернул его. Буратино изо всей силы упёрся локтями в бока кувшина, чтобы не вывалиться.

– Там что-то чернеется, – прохрипел Карабас Барабас.

– Там что-то белеется, – подтвердил Дуремар.

– Синьоры, чирей мне на язык, прострел мне в поясницу – кувшин пуст!

– В таком случае, ставь его на стол – мы будем кидать туда кости.

И вот, можно сказать, Барабасом брошена первая кость в его кувшин мудрости, который, как верно заметил хозяин харчевни, в данный момент оказался совершенно пустым».

Яшка, смутившись своим положением и незнанием того, что нужно отвечать, решил идти универсальным путем, предлагающим на всё соглашаться.

– Да, – ответил Яшка, что, судя по виду ключевого представителя, этого Барабаса, удовлетворило его.

– Ещё раз напоминаю, французенка Люси изучает русский язык, в связи с чем, она не раз была по студенческому обмену в России, от которой она без ума и поэтому очень рада, в таком качестве поработать с русскими туристами. Такое общение поможет ей подтянуть разговорную речь, – Барабас замолчал и ожидающе уставился на Яшку, который всё ещё впитывал выдаваемую информацию. – Ну, чего молчишь? – вновь влез в разговор этот Дуремар.

– Ну, мне кажется, всё понятно, – Яшка, уловив суть этого теста на понятливость, снова определённо расхрабрился и начал дерзить.

– А вот мне, ещё не совсем насчёт тебя понятно, – лезет в свою бутылку этот Дуремар.

– Общая увлечённость, всегда сближает. Ну а когда она при этом вызывает симпатию, то ещё и убеждает, – Яшка сверкнул глазами в сторону этого Дуремара, которого он, скорее всего, уделал своим ответом.

– Я вижу, ты уловил суть, – ухмыльнулся Барабас и, хлебнув на Яшкину дорожку, отправил того восвояси. И когда Яшка уже оказался за дверьми этого офисного кабинета, то он не слишком поспешил удаляться от них, слыша, как ему показалось, доносящийся из-за дверей следующий разговор:

– Положу Буратино на ладонь, – хвастливо говорил Барабас, – другой ладонью прихлопну, – мокрое место от него останется.

– Этот негодяй, вполне этого заслуживает, – подтверждал Дуремар, – но сначала к нему хорошо бы приставить пиявок, чтобы они высосали всю кровь...

Но так ли это было на самом деле, или же это плод разыгравшейся фантазии Яшки, трудно даже ему сказать, ведь как только, для лучшей слышимости, он собрался приставить ухо к щелке двери, то в этот же момент, согласно закону подлости, в коридоре появилась не менее любопытная, какая-то серая личность, которая, испытывая неудовлетворение своей серостью, за счёт любопытства и компенсирует свой недостаток. Так что Яшке, заметившему упёртость глаз на себе этой появившейся серости, не захотелось испытывать на себе этот взгляд и он, подняв высоко голову, отправился на выход из этого здания, так и не узнав, что же на самом деле говорили меж собой Барабас с Дуремаром.

А между тем послушать было о чём.

– Богдан, заходи, – стоило только Яшке скрыться за дверью, как Барабас поднялся с места и, пройдя к другой внутренней двери, открыл её и позвал скучавшего там, в отдельном кресле, мышцевого вида господина, очень сильно смахивающего на одного неторопливого пассажира. После чего Барабас вернулся на своё место, ну а Богдан занял свободный стул у стенки.

– Ну, Богдан, у нас к тебе есть дело требующего твоего индивидуального подхода. Ай, прости, как ты там любишь говорить? Своего отдельного разговора, – начал Барабас.

– Я слушаю, – жёсткость холодного взгляда Богдана, которым он обдал собеседников, заставивших его заниматься несвойственным ему делу: слушать, очень красноречиво говорила о том, что могло грозить тем, кто его не слушает и, более того, не слушается.

Глава 5

Париж, Париж, а местами и «де Пари»

Париж хорош тем, что в нём меня всегда кто-то ждёт, даже если у меня там никого нет. (Е. Кос.).

– Ты чего остановился-то? – получив свой багаж, Яшка было направился к выходу, но, заметив у дверей, застывшего в нерешительности Фому, ведущих в это, так сказать фигурально, окно в Париж, решил подбодрить его в первом лицезрении этого города. Хотя он, не слишком виден с аэропорта, так что, выйдя в двери, перед тобой предстанет такой же аэровид, которым может похвастаться любой среднестатистический аэропорт.

– Чё-то волнуюсь, – эта детская непосредственность, с которой выразился Фома, хоть и слегка, но всё же защемила сердце Яшки, забывшего и уже не знающего этого удивительного чувства придавать значение новизне, открывающей сердце для этой встречи. Это было им в корне вырвано, оставив лишь воспоминание, которое совестливо и зашепотало его сердечный отдел.

– Не дрейфь, пройдёт, – Яшка, дабы не мучить себя рассусоливаниями, хлопнул Фому по плечу и, направив того, выдвинулся вперёд к выходу. Там же, пока они тут мялись на месте, уже столпилась эта фанатская группа, которая за время полёта растеряла самоуверенность и запал, и в некотором осадке, во главе с тем мускулистым парнем, пыталась собрать себя воедино и должным образом представить через свою частность лицо страны.

Когда же эта представительная часть, кое-как, всё-таки смогла преодолеть этот дверной барьер, разделяющий, кажется, один мир, в который почему-то входят разные миры. И, как оказывается, не просто миры, а по прихоти некоторых весьма глубокомыслящих умов, имеющие свою категорийную классификацию. Ну а так как ими, так же было принято правило, не выражаться и вести себя политкорректно, то давайте лучше промолчим и проследуем через таможенный контроль, где лучше не только молчать, но и на все их, такие каверзные вопросы, которые так и наводят на философствование, лучше отвечать своё твёрдое «нет». Ведь их намётанный глаз, не только всё зорко видит, но и предусматривает ваш осмотр-досмотр в отдельной комнате, где они могут вам заглянуть туда, куда вам уж точно не заглянуть и отчего вам станет не до всякого философского смеха.

Но Фоме, ввиду его малого знания иностранных языков, не пришло на ум завести с таможенной службой философских бесед, на что, впрочем, и они не испытывали большого желания на его безбородый счёт. Так что он, быстро пройдя эту часть пути к своему Парижу, наконец-то, оказался у стеклянной витрины, ограждающей помещение аэропорта от улицы. А ведь для него, это была как раз та витрина, через которую он мог видеть предложения этого нового мира. И хотя транспортная развязка и всё, что было с ней связано и завязано на ней, как вся эта аутосуэта на дороге и людская суэта вокруг транспортных средств, широко и приглашающее раскрывших свои двери для любого из вновь прибывших гостей и необязательно гостей, не слишком привлекала глаз и даже ничем особенным (Проектировщики и архитекторы, помолчите, не до вас.) не выделялась. Всё же для Фомы, как для первооткрывателя, всё было интересно и очень наблюдательно приметливо.

А особенно вон та молодая особа, которая шла выдержанной, в нужном темпе и настрое походкой, опиравшейся для своей неотразимости на вышесреднего шпильки. Они, хоть, и придавали уверенности и полноценности этой девушке, но она, решив не останавливаться на этом, и, видимо, посчитав, что для того, чтобы что-то подчеркнуть, так же нужно, это что-то и выделить. Для этого ею и были предприняты соответствующие её фигуре и лицу косметические

меры, умеющие очень чётко подчеркнуть то, что необходимо, для того чтобы вы никогда не прошли мимо и тут же на месте были готовы обо всём забыть. Ну а стоит ей поманить пальчиком, то вы сразу же направите шаг вслед за ней. Но она никому не манит пальчиком, хотя её взгляд так и манит свернуть всем мимо проходящим шею, а никуда не сворачивая, идёт прямо по направлению Фома и присоединившихся к нему Каца и Яшки.

– Что, увидеть Париж и умереть? – заметив, с каким вниманием Фома смотрит в эту витрину мира, подошедший Яшка, отчего-то по приезду ставший очень внимательным к Фоме, не прочь того подколоть. На что Фома, повернувшись к нему, было хотел заметить своё отношение к его высказываниям, как, заметив более существенное, а именно эту идущую на них девушку, про себя переформулировал сказанную Яшкой фразу: «Увидеть в её глазах Париж, и умереть». Ну а Яшка, обнаружив внимание Фомы куда-то в сторону от него, повернулся туда и безошибочно определил его и ещё с десятков лиц мужского пола, объект внимания. Он не смог смолчать и обнаружил свою информированность.

– Это Люси.

– Что за Люси? – не успел Яшка на последнем слогe прикрыть рот, как последовавший от Фомы вопрос уже тут как тут.

– Чё, нравится? – обнаружив себя на пьедестале значения, который даёт всякое более информативное знание, Яшка тут же возгордился и в соответствии с этим, начал трубить в свои медные трубы.

– Ты давай, толком говори, – неожиданно для Яшки, в разговор влез Кац, для которого всё, что касалось женского пола, было так же небезынтересно, как и для Фомы.

– Потом скажу, – приближение Люси на расстояние, с которого ещё можно было что-то сказать, будучи уверенным, что она тебя не услышит, можно сказать, уже не предусматривало ведение каких-то разговоров. И теперь от вас, требовалось только одно: приоткрыв рот, стоять и заворожённо смотреть, как в вашу гавань заплывает этот лучезарно улыбающийся блондинистый теплоход.

– Здравствуйте, – поздоровалась Люси, когда между ней и этой мужской компанией оставалось пару шагов, после чего Люси, ещё шире расплылась в приветственной улыбке и, протянула вперёд для рукопожатия руку. Правда, при этом, уделила первое ручное внимание стоявшему с правой стороны от неё Фоме, чем вызвала падение сердец у рядом стоящих его товарищей, в одно мгновение восплававших к нему ревнивой ненавистью. Ну а Фома, не разбалованный женским вниманием к себе, определённо растерялся когда выборочность Люси поставила его впереди всех, и вкупе с её удивительным взглядом и маленькой тёплой ручкой, оказавшейся в его лапе, которую он даже и не понял, как посмел протянуть ей. С виду, конечно, он кроме этой глупой улыбки ничего не показывал, но между тем, оказался в полном внутреннем осадке. И если осадок, в котором оказались Яшка и Кац, отдавал горечью, вызвавшей к мстительности, то Фома, оказавшийся в таком радостном, с элементами «не верю своему счастью» осадочном положении, как оказалось, спустя мгновение даже потерял дар своей осмысленной речи.

– Люси, – качнувшись пару раз руку Фомы, представилась Люси. На что от него требовался приличествующий месту и ситуации ответ. Но Фома, находясь в этой радостной прострации, видимо, для того чтобы подольше поддержать в своей руке эту ручку, что вполне понимаемо, ведь он не держал таких рук, и кто знает, когда ещё подержит такое будоражащее сознание человеческое ответвление, в общем, Фома только глупо улыбался и молча раскачивал её руку. И кто знает, сколько бы это продолжалось, что, судя по желанию Фомы, не отпускать ничего из своих рук, могло затянуться на чрезмерно долго. Что для трепетных сердец Каца и Яшки было невыносимо видеть и поэтому последний из них по порядковому числу, но первый завистник в качественном определении, не стал дожидаться хэппи-энда, на который у него было своё смекливое воззрение, и влез со своим занудливым словом.

– Фома! – с элементами утверждающего возмущения, встрял в этот немой разговор между Фомой и Люси, этот «ни себе ни людям» Яшка.

– Вот как, – последовавший ответ со стороны Люси, не торопящейся отделить своё внимание от этого, «достал уже всех страдальцев» Фомы и перевести взгляд на эти жаждущие внимания лица Каца и Яшки.

– Ага, – Фома, в свою очередь, сумел-таки себя позиционировать с произнесённым Яшкой именем.

– Запомню, – улыбнулась Люси и, вернув себе руку, уже первым этим движением заставила улыбнуться Яшку и Каца, в предчувствии своего незабываемого рукопожатия, на которое пришло и их заслуженное время. И если рукопожатие с Кацем прошло с таким же приветственным формализмом, то быстротечность молчаливого рукопожатия между Яшкой и Люси, под чьей улыбкой не смогло укрыться возникшее напряжение, не прошло мимо уже ставших наблюдающими лицами Фомы и Каца.

– Надеюсь, полёт был не слишком утомительным. – заняв центральное место в этом импровизированном круге, Люси, обращаясь ко всем, где каждому в отдельности казалось, что это обращение касалось только его, наконец запустила процесс самой встречи.

– Разве полёт сюда может чем-то утомить, кроме нетерпеливого ожидания времени прибытия? – взяв на себя право отвечать за всех, Яшка проигнорировал желание других высказаться, а также пренебрёг брошенным на него взглядом проходившего мимо него грузного фаната Бориса и его товарищей по фанатскому делу во главе с вызывающим у прохожих неуверенность в своих силах, мускулистым типом. Ведь при взгляде на него, все умеющие видеть, осознают всю брэнность попыток сравняться с ним. Хотя, наверное, их внимание привлекла не фигура какого-то выкормыша и доходяги, в ком перед ними предстал Яшка, а стоящая рядом с ним достойная пристального внимания фигура девушки, не понятно каким образом, оказавшаяся в компании этих хмырей. И эта мысль о не всегда верной относительности бытия женского пола, сверлила каждого мимо проходящего мужика в штанах, каждый из которых, однозначно считал только себя достойным стоять рядом с ней или хотя бы занимать своё достойное место на коврик у порога её квартиры.

– Ну это у тебя такое мнение. А твои товарищи, может быть, устали с дороги, – Люси явно игнорирует этого Яшку, что, в общем-то, теплотой отдаётся как в Фоме, так и в Каце, быстро сменившего союзника и переметнувшегося в стан противников Яшки.

– Нет, мы не устали, – чуть ли не хором ответили ей Кац и Фома, готовые без устали глазеть на неё.

– Ну тогда, поехали, – резюмировала Люси, на что с их стороны последовало недоуменное: «А...», в ответ на которое прозвучало, лезущее куда и когда его не просят, слово Яшки, решившего, что его голос сладкоречивей и томнее, чем у Люси. «Тьфу», – так и хотелось расплеваться, слушая его лебезение, но его товарищам было нечего делать и пришлось терпеть этот информационный поток, полившийся со стороны Яшки.

– Люси, можно сказать, ассоциированный член нашей партнёрской компании, работающей в сфере укрепления российско-французской дружбы. Зная о нашей рабочей поездке, она и вызвалась выступить в качестве нашего сопровождающего.

«Руки бы оторвать этому Яшке за такие ассоциированные, непонятно с чем, в его голове или, скорее всего, в каком-то другом нижнем отсеке членослова», – так и читалось во взгляде Фомы и Каца.

– Программе? – в голове Фомы пронеслось это вопросительное недоумение.

– Ну это не бесплатно, – а вот эта сказанная Люси фраза, заставила Яшку да, впрочем, и Каца, всегда очень трепетно относящихся к любым кредитно-денежным отношениям, с долей волнительного удивления посмотреть на Люси, от которой они, скорее всего, не ожидали услышать такого подвоха. – Для любой стажировки очень важна практика, а для изучения языка

просто необходимо общение. Так что, я надеюсь, вы мне поможете в этом деле, – не успел сразу поле слов Люси, этот новый альянс, зародившийся на общности подходов к экономическим интересам, испытать себя на прочность, как она этим дополнением, раскрыла своё «не бесплатно» и вновь внесла зерно сомнения в голову каждого из партнёров этого альянса, посчитавших, что с предложенным ею контрактом, лучше всего, только он и справится.

И дабы продемонстрировать своё умение сладкоречиво говорить, эти заклятые партнёры, вытянув лица и приставив язык к нужному зубу, в той комбинации, с которой им было желательно начать говорить, уже приготовились облечь мысль в слово, как, к их большому изумлению, беда пришла оттуда, откуда её сейчас не совсем ждали, а именно со стороны Фомы. Где он своей простотой: «А я и не заметил у вас никакого акцента», – просто огорошил этих навязчивых партнёров, для которых заключение контракта по эксклюзивному обслуживанию лингвистических запросов Люси, оказалось под большим вопросом.

«Да как так? Да он что себе позволяет? Да откуда он такой взялся?» – как только Фома разразился этой неуместностью, то языки партнеров, тут же, без всякой ясной мысленной определённости, соскользнули со своего стартового места и, потеряв устойчивость, свалились вниз в глотковое пространство, откуда в раскрытую ротовую щель принялись разглядывать подбородок Фомы и так вопросительно переживать за него. Но Фома совершенно не замечает этих внутренних движений, пускающих ртом воздух Яшки и Каца, а сосредоточив внимание на устах Люси, которые, как все знают, играют немаловажную роль в разговорной речи, видимо таким образом, пытается понять её выговор. Так что, если она хочет, чтобы ей помогли более эффективно усвоить разговорную русскую речь, то она не должна смущаться таких пристальных взглядов, которые, возможно, служат лишь для улучшения взаимопонимания. Конечно, Фома, как всего лишь любитель, что, наверное, многое объясняет, в своих фантазиях зашёл несколько дальше видимого удовольствия наблюдать за её устами, для которых он уже приготовил практические устные занятия. Но сейчас, неподходящее для этого время, и Фома, дабы за зря его не терять, глядя на неё, пока что лишь покусываниями, разминает свои губы.

– Не сомневайтесь. Он присутствует, – в ответ засмеялась Люси, которая, подмигнув Фоме, чуть не заставила лопнуть от злости Яшку и Каца. Ведь они и сами любили, когда им подмигивают, а вот когда подмигивают не им, то это они очень даже не любили и видели в этом нехороший капитуляционный для себя знак.

– Это будет нелегко, – Фома уже чётко встроившись в разговор и тем самым заняв для себя подобающее место рядом с Люси, можно сказать, отёр от неё двух своих товарищей. Но они видели в нём никакого не товарища, а даже вообще не товарища, а определённо выскочку, который каким-то удивительным образом, сумел завоевать внимание Люси и сейчас своим «нелегко», явно набивался на её «легко».

– Отчего же? – Люси, как и ожидали эти два сзади идущих прислушателя, попала-таки на эту ловко расставленную ловушку, только с вида простака Фомы. Где он, однозначно, выдаёт себя не за того, кто он есть на самом деле, а на самом деле он... подлец, Казанова чёртов и... (Ну а дальше бурная, с элементами поносительства, фантазия, которая разыгралась в голове Яшки и отвлекла его на время, как от беседы, так и от всего остального).

– Рядом с вами не сомневаться, в особенности, в себе – сложное дело, – ответ Фомы, если бы Яшка не был так увлечён своим перечислением его категорийных достоинств, скорее всего, подтвердил бы предположение Яшки на его счёт. От этого он, наверное, ещё больше бы, как говорят, позеленел. В общем-то, за него это проделал Кац, оставшийся в своём подслушивающем, гордо-внимательном к этой слишком часто поглядывающей друг на друга парочке, одиночестве.

– Это комплимент, – интонация ответа Люси, в зависимости от вашей смелости, подразумевала разную трактовку её ответа, где Фома был даже подозреваем в наличии у себя подобной смелости. В общем-то, ему самому хотелось её подозревать в таком же желании насчёт себя.

– Ну, я в иностранных словах не силён. Так что если вы, со своей стороны, меня подтяните во французском, то, во-первых, для лучшего взаимопонимания это пойдет нам обоим на пользу, что в последующем позволит мне разобраться в том, что же такое этот комплимент, – умеет же Фома заговорить зубы, отчего сам напрашивается на комплимент.

– Ну а во-вторых? – Люси, видимо, отлично знала, что такое комплимент и поэтому, уловив его суть, не стала отвлекаться на несущественное, а вот на необходимое решила узнать ответ.

– Что, во-вторых? – не совсем понимая, что от него хотят услышать, Фома переспросил Люси.

– Ну если есть «во-первых», то, значит, должно быть и «во-вторых». Или я что-то не так понимаю? – как говорится, на каждый камень найдется своя коса, в которую, если бы Люси заплела свои волосы, то она бы ей, наверное, до поясницы доходила. Ну а пока её ответ доходил только до Фомы, то он по дороге понял, что она не только правильно понимает, но к тому же также верно и считает, что очень понравилось Кацу, испытывающему всякий раз восторг при виде цифр входящего баланса его кредитной карты.

– Ну а, во-вторых, вы, я вижу, уже многое для себя и в себе подчёркнули от русских, – Фома, надо отдать ему должное, ловко умеет увести разговор в свою сторону.

– Вы это о чём? – Люси, как и любая девушка нежного возраста, не может не заинтересоваться, когда речь заходит о ней. От этого они очень часто отвлекаются от основной мысли, которая, впрочем, всего лишь подмысль той главной мысли, в которой только лишь она и существует. И Люси, забыв о своём вопросе, тут же переключилась на новую заинтересованность собой этим молодым человеком, который в ней увидел то, что она как никто другой лучше знающий себя, может быть, уже просто не обратила внимания и просмотрела. Ведь с каждым разом, по мере взросления, у тебя появляются всё новые причины для беспокойства, которые со своей заявкой на морщинку, этой, так сказать, новизной отодвигают на задний план, ещё вчера волнующие тебя, видимые только тобой проблемы. Так что, несмотря на то, что мало-важность существования недочётов на твоей внешней представительной стороне, не может, в принципе, стоять на повестке лицевого дня, тем не менее, видимость себя в нужном и совсем не нужном свете, всё же несёт определяющую степень уверенности и самочувствия всякой молодой особы. И все эти некоторые кажущиеся ей недочёты, которые, может быть, только для неё, стремящейся к совершенству, являются этими недочётами, со временем из-за невозможности их устранения смиряют их с хозяйкой, которая уже и не обращает на них внимания. Когда как Фома взял и обратил, и тем самым взволновал Люси. От этого она даже остановилась и уже после внимательного взгляда на этого «смотри у меня» глядельщика, задалась своим вопросом.

– Ну я думал, что шпильки для повседневной носки одевают только у нас, – Фома определённо испугался такого пронизательного взгляда Люси, и поэтому его ответ сквозил большой неуверенностью, на которую, между тем, последовала ответная очень любопытная и такая же неуверенная реакция Люси. Заметив движение голов, обступивших её, попутчиков и самого Фомы в сторону её туфель, она сама не удержалась и, поддавшись этому стадному чувству (Ей-то чего смотреть на них, когда она уже сотни раз их видела, как сверху, в зеркало со стороны, так и в пылких взглядах прохожих.), обратила внимание на свои, очень даже ничего ноги, в этих красивых туфлях. Ну а для того чтобы их (кому что больше нравится), лучше было рассмотреть, вытянула одну ножку вперёд, слегка подтянула штанину от брючного костюма (которому уже хватит наглеть и через шаг закрывать всю эту красоту) и выставила (со своим прицелом, уже сбить здравомыслие у этого слишком уж внимательного, что ему, в общем, не возбраняется, к ней Фомы.) её на обозрение.

«М-да», – очень явно читалось (Ну а что это значило, то разве возможно достать эту мысль, которая этим «м-да-эхом» отразилась из самой Марианской глубины души каждого

смотрящего.) во взглядах окруживших её остолопов, которые, как будто в первый раз видели красивую ножку в туфельке. Между тем, это начало привлекать нездоровое внимание очень спешащих на выход приезжих гостей этого города любви. Они увидели в этом поведении этих незнакомцев, внимающем к исходящей от ног красоте, какой-то затаённый сигнал, требующий от них отбросить всю свою, всё равно ни к чему лучшему не ведущую спешку и, присоединившись к компании, однозначно эстетов женской красоты, внести свою посильную лепту в это обозрение.

– Ну разве плохо? – Люси выразительно высказалась и с преобладанием во взгляде этого чувства, посмотрела на окруживших её, «глаз не оторвать от её ног» глазельщиков, чья тень сомнения, только попробуй, возникни, тут же превратит этого неблагодарного, как выразился Яшка, в ассоциированного ею, вычеркнутого из членства её партнерской программы, уже и не понятно какого фоба.

– Ну всё, посмотрели и хватит, – заявила Люси, заметив, что её действия не остались без внимания со стороны ещё с десяток дополнительных, уже никуда не спешащих глаз гостей этого города. А ведь сердце каждого из них, при взгляде на эту её часть, уже поселилась прочувственная надежда на возникновение связующей нити с этими городом любви, которая для лучшего памятливого запоминания, должна облечься в сердечную связь. Ну а пока, чтобы они слишком себя не обнадёживали, Люси опустила штанину и приставила эту выставленную вперёд ногу в строгое соответствие со второй; тем самым закатав всем губу.

– Ну всё, пошли. А то такси нас уже заждалось, – Люси никому не дала опомниться, и, прихватив Фому за локоть, проследовала на выход, где их и вправду ждало такси, которое, впрочем, следуя своему потоку, могло ждать и кого-либо другого.

В общем, долго неразберая, они подошли к первому же такси, водитель которого, тут же был уличён в желании их отвезти хоть на край света, и поэтому его настрой только способствует посадке в этот евростандартный автомобиль, который мог бы, конечно, быть и несколько по больше. И если водителю такси, непонятно по какому праву, досталась лучшая доля, сидеть спереди и туманно лицезреть краем глаза на занявшую место на переднем пассажирском сидении Люси, то всем остальным, ничего другого не оставалось делать, как постараться, втереться в этот задний евро-формат пассажирского сидения и уже там попробовать, притереться к друг другу. Чему, в конечном счёте, несмотря на ваши желания или их отсутствие, всегда способствуют проезжие кочки, которые, надо отдать им должное, ещё не туда вас вотрут, в общем, даже туда, куда вам будет неудобно.

А ведь когда тебя ожидает такое не слишком желательное соседство с товарищами по брюкам и штанам, а не с какими-нибудь короткими юбками, то тут требуется не меньшая осмотрительность в выборе хорошего обзорного места. А в данном случае, где сугубо одноштанная компания, не подразумевала всего этого, и когда предмет желаний, находился спереди, то тут уж, для того, чтобы занять своё должное место в её глазах, требовалось занять самое видное для неё место сзади. Правда, при этом, нельзя было слишком усердствовать, чтобы не оказаться в окружении оставшихся двоих неудачников, придавивших тебя с двух противоположных боков, для чего собственно и необходима своя, выработанная на ходу стратегия. Что очень сильно осложнялось тем, что каждый из троих, не просто догадывался о намерениях своих противников, но и определённо знал о них. И поэтому они, как только выдвинувшаяся вперёд Люси, обозначила собой своё место в машине, не стали спешить, а застыли на месте в этом мгновенном, расчётливом определении подходов к наиболее подходящему месту в машине и тех шансов, на которые может рассчитывать каждый из них.

– Ну и чего вы там встали? – выглянувшая из окна с водительской стороны Люси, своим недоумённым вопросом, дала старт этому определяющему место под её солнцем забегу. Где во всей своей локтетолкательной манере, которая при этом, должна быть незаметна за наблю-

дающей Люси, проявились всесторонние качества каждого из участников этого забега по пересеченной местности.

Наверное, и говорить не надо о том, что первым, несмотря на самый невысокий рост, вырвался вперёд Яшка (Кац со своей каланчи, пусть лучше смотрит на стайерские забеги, где не требуется быстрый старт и можно со временем разбежаться). И он, юркнув вперёд в дверь, уже было хотел возрадоваться своему успеху, забыв, правда, учесть, что на этих соревнованиях финиш, скорее всего, определяет не финишная ленточка, а степень напористости и желания участников забега, достичь своей цели, ради которой, они не посмотрят безынициативно на твой зад, а пинком колена, поддав его, загонят вас в самую гущу событий. В них-то и оказался Яшка, таким образом, вдавленный дальше вперёд Кацем и встреченный уже с той стороны Фомой. В общем, по окончании этого первого забега, можно было подвести предварительные результаты, в которых, в лучшем для себя положении находился Кац, занявший место позади водителя, чью рожу ему совершенно не улыбалось видеть, тогда как, самый лёгких разворот к ним со стороны Люси, не мог пройти мимо него.

В следующем положении, в менее комфортных условиях, между, а это «между», может быть приятно только в одном и то кратковременном случае, когда вас окружают близкие по духу особы противоположного пола, тогда как во всех остальных, даже в особо холодных случаях, это совершенно не тешит ваше самолюбие, в общем, выбора другого не было и такси тронулось. Правда при этом, неудобство занимаемого Яшкой места, компенсировалось близостью к Люси. Это, конечно же, оправдывает эту стесненность Яшки, чьё предположение о колкости его занимаемого положения, два раза, в особо турбулентных местах, получало основательное подтверждение, сильным пощипыванием в его левую половину полузада. В этом он небезосновательно, глядя в эти наглые глаза, с вероятностью близкой к ста процентам, мог заподозрить этого Каца, которому он, видишь ли, весь обзор перекрыл («Вот когда я ему кислород перекрою, то тогда бы хотелось посмотреть в эти вытарашенные шары», – проглотив вместе со слюной слова, Яшка за здоровье посмотрел в вылупившиеся зенки Каца.).

Ну а Фоме, как самому нерасторопному участнику забега, досталось то, что досталось, а именно место позади Люси. Оттуда он, конечно, не мог её должным образом видеть, кроме этой торчащей из-за кресла головки, так что ему пришлось ограничиться её голосом и видом из окна, который, между тем, не зная всех этих его душевных движений, ещё загодя готовил для него свою увлекательную программу, которая, если честно сказать, хоть и очень интересна, но, когда твоё сердце уже отвлечённо занято, то даже самое заманчивое и заметное обзорное предложение, уже не столь красочно выглядит в этом ярком присутствии её глаз. Вот и спрашивается, неужели столь необходимо было их встречать в аэропорту, после чего вся культурная программа пошла... нет, не насмарку, а в некоторой степени, по её очень отвлекающей и красивой наклонной. А вот если бы у них было время на самих себя, откуда всегда очень всё хорошо смотрится и запоминается, то, наверное, они в полной мере изучили бы все памятливые для истории Франции и мира, места в округе, после чего уже можно было и на неё посмотреть.

А пока твоё место определяется пассажирским сидением, то решения будут приниматься не тобой. Так что на данном этапе движения вперёд по жизни всех этих сидельцев в такси, определял водитель, которому, по большому счету, нет дела до всех этих внутренних пассажирских ёрзаний (Если ты, конечно, пепел не стряхиваешь на протёртые чехлы, такими же, как и ты, не сидящими на месте торопыгами.). И он, следуя дорожным указаниям, в зависимости от дорожной обстановки, постепенно своей манерой вождения, придал внешнюю тональность внутренней обстановке такси, где на этом фоне, сердца пассажиров, успокоившись, начали расслабляться и принялись вести себя по отношению к окружающему, в соответствии с этой размеренностью, которую и определял ход езды такси.

Так Люси, взяв на себя роль гида, время от времени, по мере появления на их пути знаковых достопримечательностей, считала своим долгом проинформировать о них сзади сидящих. Для чего она иногда поворачивалась к ним лицом и рассказывала об этих местах. И эти гости, так сказать, не видя возможности что-либо изменить, смирились с этой временной неизбежностью и, предавшись созерцанию, уткнулись кто, куда и кому куда удобней. И если Яшка с Кацем, находясь в поле зрения Люси, в большей мере, уткнулись в собственное «я», которое сквозь облако непрояснений, пеленой окутавшее Люси, смотрели через её призму взглядов туда, куда она пожелает посмотреть, то Фома уткнулся лицом в окно двери, как это делают маленькие дети, не то что не стесняющиеся, а просто из-за своей детской непосредственности, не замечающие всего того, что кажется важным взрослому человеку, для которого, скорее важнее то, как он выглядит со стороны, чем то, что при этом делается внутри.

И хотя Фома чувствовал себя созерцательно прекрасно, всё-таки его задумчивая прижатость носом к окну, из которого на окружающих теперь смотрел такой взрослый ребенок с пятачком на месте носа, выглядела ещё выразительней и не могла не растрогать чувствительные сердца прохожих, случайно бросивших свой взгляд на эту картину без масла. Так этим прохожим, в этом застывшем кадре определённо представилась видимая изнанка жизни, где сидящая на штурманском месте красавица, рулит движением, не обращая внимание на тех, кто в лодке, и на то, что встречается им на пути, тогда как сзади сидящим и зависящим от неё пассажирам, особенно этому с выразительным, вглядывающимся вдаль лицом, остаётся только одно... А вот что, то над этим нам даёт задуматься задумчивый создатель этой картины безнадёги, которым является каждый из обладателей богатой фантазии, кто и создал эту видимость у себя в голове.

Отчего им, в особенности тем, кто находился в состоянии одиночества, что, в общем, свойственно всем фантазёрам, становилось очень грустно, и они приостанавливали свой бег по жизни или, вернее сказать, на месте (Любое бессмысленное хождение для них – это и есть бег, и даже на месте), после чего они принимают твёрдое решение и тут же сворачивают в ближайшее заведение, где разливают даже с утра, и уже там начинают приводить свои мысли и сердце в порядок.

А ведь, скорее всего, в своё время, судьба уже раз посадила это одиночество на такое же пассажирское сидение, и такая же красавица, как-то завезла его в такое бездушное место, из которого вырваться, не потеряв себя и душу, ему помогла лишь одна из миллиона случайностей. И, вспомнив все перипетии своей прежней жизни, это одиночество тут же залпом зальёт эту незаживающую боль своей души, и не почувствовав облегчения, закажет ещё, затем быстро выпьет и эту добавку, но и она не сможет смягчить его мнение о той особе разбившей его сердце. После чего он, уже закажет целую бутылку и, найдя её дно, уже определится. После чего, в зависимости от этого решения, отправится либо смягчать сердца незнакомых, но очень желающих на время познакомиться дам, либо же смягчать лица кулаком, опять же незнакомых, но слишком дерзко смотрящих на него лиц месье.

А ведь такие сюжеты, почему-то всегда можно усмотреть, глядя во все эти перевозящие людей транспортные средства, где ваша жизнь находится в зависимости от этого внешнего движущего фактора. В чём можно узреть свою ассоциативность, эту власть чувств над вами, движущихся со скоростью вашей жизни и находящихся во временной зависимости от привлекательности окружающего, в котором вы видите то, что вам мыслиться, исходя из собственного побудительного к этим мыслям опыта. Но если вам видится одно, то это ещё не значит, что это есть на самом деле.

Так что Фома, ещё не был столь безнадёжен и, пожалуй, ещё сохранил свою независимость (Правда, находящийся в зависимости от качества её внимание к нему.) от этих красивых глаз и улыбки Люси. И стоило им прибыть на место назначения, к одному из вполне себе ничего отелей, то от его задумчивой выразительности на лице не осталось и следа. И он, заняв своё

новое место в этом выстроившемся мужском ряду перед такси, расплылся в улыбке в ответ на прощальные на сегодня слова Люси, которая бы, конечно, очень хотела их сегодня куда-нибудь сводить, но она и так еле смогла вырваться, так что пока давайте обустраивайтесь, а уж завтра, она с самого утра вся к их услугам.

– Пока. Пока. Пока, – как попугай заладили одно и то же, эти трое, теперь уже провожающие такси, увозящее Люси вдаль, в которую они посчитали нужным помахать руками вслед.

– Ну, выстроились, как лесенка дурачков, – когда проводы закончились, Яшка взглянул на эти такие мило-противные рожи своих товарищей, выстроившихся в один по ростовому ранжиру ряд и, не сдержавшись, дал чёткое определение всем им.

– Запомни, дурость – не количественная характеристика, – схватив чемодан, Кац бросил эту фразу Яшке и двинулся ко входу в гостиницу.

– Ты это о чём? – зло, уже в спину Кацу заявил Яшка, чей рост не позволял ему подпрыгнуть выше двух вершков от горшка, отчего он всегда смотрел с подозрением на тех, кто был выше среднего и чьи излишки роста, по его размышлению, сложились в результате обкрадывания таких, как он. И поэтому его недружелюбие ко всякой длинной каланче, имело под собой теоретическое обоснование, да и к тому же, любые разговоры по поводу размерности, он был склонен переводить на свой счёт. Так что Яшкина подозрительность к Кацу, несмотря на их духовное единодушие на чужой финансовый и какой иной счёт, после этого его высказывания, начала облекаться в пока что недоумение, грозившее тому, «о-го-го» много чем.

– Давай уж, без лишних слов, – Кац, придержав дверь, пропустил вперед Яшку и тем самым закрыл тему разговора и дверь отеля за собой, Фомой и им.

Глава 6

Доказательства от противного

Доказательство от противного – вид доказательства, при котором «доказывание» некоторого суждения (тезиса доказательства) осуществляется через опровержение отрицания этого суждения – антитезиса (если неверно, что неверно А, то А верно).

– А чего ты такой слишком уж внимательный ко мне? – спросил Яшку Фома, заметивший, что тот старается не пропустить ни одного из его взглядов, которые он, как и следовало ожидать от интересующегося всем первооткрывателя, при виде новой для себя страны, бросал во все разные, однозначно интересные для себя стороны. И, если для кого другого из местного населения, эти стороны были даже очень обычными, то для Фомы, глядевшего на этот мир своими любопытными глазами, всё как раз виделось в своем иносказательном свете, мимо которого, надо отдать должное его внимательности, ничего на этих первых порах, не пройдёт и не пролетит. А ведь эта, с трудом скрываемая Яшкина пристальная назойливость, началась сразу после его стука в дверь номера гостиницы, куда Фома заселился в отдельный номер, тогда как эта парочка его товарищей (На этот раз не слишком довольные подобным соотношением дел.) была вынуждена по причине своего бескомпромиссного характера, когда никто не хотел уступать друг другу отдельный номер, любоваться в своем номере на противную рожу своего непримиримого товарища. Ну а Фоме, следовательно, как не имеющему права голоса на выбор, пришлось заселиться в одноместный номер.

– Ты же, надеюсь, не собрался знакомиться со страной из окна своего номера? – зайдя в номер Фомы, Яшке явно было интересно узнать и увидеть предоставленные тому условия проживания, где вид из окна на бульвар, а не как у них во внутренний двор на помойку, ещё больше заставил его злиться на этого Каца, по чьей несговорчивой прихоти, он должен будет теперь ютиться вместе с ним в одном номере. Правда, в голове у Яшки уже созрел мстительный план, на сегодняшний незабываемый для длинного носа Каца вечер, который пройдёт для него под знаком ароматов съеденного Яшкой блюд, где бобовые будут иметь преимущественное место на столе.

– Ну, я готов, – спустя минуту, Фома выразил готовность. И Яшка, взяв на себя роль ведущего, повёл его сначала к выходу из отеля, а затем, не обнаружив там Каца, незадачливо повертел головой, пытаясь понять, куда этот гад запропастился. Правда, спустя пару оборотов головы, Кац был обнаружен на другой стороне улицы, где он, усевшись за летний столик кафе, призывно махал им рукой.

– А, вон он где, – заметив этого Каца, опять опередившего Яшку и решившего за него, куда им пойти и где посидеть на первых порах, он без особого энтузиазма двинулся по направлению к занимаемому тем столику кафе. После чего они, заняв свои места и заказав того, чего, как правило, заказывают в кафе неспешащие напитки туристы, принялись, как только оформился заказ, попивать горячую жидкость из чашек и будоражить своё сознание видами окружающего пространства и ощущениями причастности к нему.

– Ну и чего ты у меня увидел? – Фома переспросил этого застывшего в своей созерцательности чего-то сквозь себя Яшку.

– А, может ты для него тот свой русский, которого каждый из уехавших за границу просто обязан иметь, – вместо Яшки, все ещё пускающего пузыри в чашке чая, Фоме ответил сидящий сбоку от него Кац.

– Как это? – несколько удивлённый, Фома обратился с вопросом к Кацу.

– Каждый русский, попавший в долгих, нетуристических целях за границу, должен найти другого русского и, наблюдая за ним, убедиться, что тот не просто смотрит, а видит этот заграничный мир его же глазами. После чего, к нему приходит, правда только на пару дней, успокоение, которое между тем, спустя это короткое забвение, обязательно сменяется вновь возникшей неуверенностью в себе. Что снова заставляет этого переселенца устремиться в поиск нового своего бывшего соотечественника, чтобы опять постараться с помощью него, развеять обуревающие его сомнения. А вот какие сомнения: то ли желание убедить себя в правильности своего выбора, то ли, как говорится, его обуяла не вера глазам своим, но этот вопрос, пока что не ко мне, – Кац, выдав эту порцию информации, поглядел на Яшку и, усмехнувшись, обратился за ответом к своей булочке, которая своим сладким кремом, запитая чаем, очень даже способствовала пониманию всей сладости жизни здесь, в тени деревьев, на бульваре... а не важно, каком, главное, что он находился в Париже.

– Интересно, – Фома, внимающий всему и впитывающий в себя окружающее, пока что не готов отпустить мнения и поэтому максимально краток.

– Ну а всё же, что ты по этому поводу скажешь? – Яшка, противно прихлебывая из своей чашки, решил Фому достать не только своим обзорным вниманием, но и желанием подёргать его за язык.

– Скажу лишь то, что наши люди всегда более критично относятся к своим соотечественникам за рубежом. А вот с чем это связано, то уж увольте. Не знаю, – Фома, выдав тому свой ответ, решил, что будет лучше, если взять пример с Каца и забить свой рот меренгой.

– Ну это, наверное, от того, что мы слишком зависим от навязанных убеждений или, вернее сказать, от чужого мнения, в которое всё же не до конца верим. И поэтому всякая представшая перед нашими глазами реальность, требует подтверждения не только своим существованием, но и свидетельским обоснованием, стоящим в глазах именно твоего соотечественника, который только и может дать нам ответ, а стоило ли оно того, чтобы ради этого рвать когти и забывать родину, – высказывания Каца, всё больше впечатляли и удивляли Фому, введённого в заблуждение этим хитрым первым впечатлением.

– А вот я почему-то совершенно не удивлён, – Яшка определённо удивил всех своей новой резвостью высказываний. – Вечно ты заведешь разговор в какие-нибудь дебри, откуда и концов потом не найти, – по всей видимости, для Яшки такие спокойные посиделки, уже сами по себе не отвечают его живой натуре, а, значит, скучны и неинтересны, отчего он и решил наброситься на Каца, в отличие от того, умеющего смаковать любую булочку под чай или кофе.

– Ну, значит, ты не увидел то, что хотел, – Кац очень ловко парировал Яшку, отчего тот даже глотнул лишнего из чашки и раскашлялся.

– Мне, конечно, приятно такое внимание к своей персоне, но мы всё-таки приехали сюда, не для того, чтобы наблюдать за мной. Так что, давайте, лучше оставим меня в покое и переведём взгляд на более интересные вещи, как, например на местные достопримечательности, – Фоме и вправду не слишком нравилось быть в центре внимания, если это, конечно, не касалось женского внимания, и он попытался перевести разговор в другое, требующего молчаливого наблюдательного внимания русло. Но, видимо, его товарищи по столу, уже всякие эти «Парижи», раз по сто видывали и переидывали, отчего им совершенно не хотелось, в очередной сотый раз, плевать на головы прохожих с Эйфелевой башни, когда как плюнуть своему заклятому товарищу в душу, всегда будет к месту и очень даже не скучно сделать.

– А чего я такого, интересно, хотел увидеть? – Яшка всё-таки решил не пропускать мимо себя этот выпад Каца к нему.

– Ну ты и задаешь вопросы. А мне-то, откуда знать? – по хитрой физиономии выразившего недоумение Каца, не скажешь, что он такой уж непроинформированный насчёт Яшки тип.

– А вот твои речи, меня как раз заставляют задаться, очень не простыми для тебя вопросами, – Яшка начал накаляться, а через это и накалять окружающую атмосферу, на благосклонность которой, при знакомстве с городом, Фома сегодня очень рассчитывал. Но не для знакомства своих кулаков с рожей Яшки, которая явно на что-то подобное напрашивалась (А ведь отзывчивая и безотказная душа Фомы, очень редко может противостоять подобным просьбам.).

– Так, может, расскажите, в чём заключается эта ваша, если я понял правильно, игра «найди на чужбине своего соотечественника»? – Фома, решив сгладить возникшие неровности в разговоре между Кацем и Яшкой, направил их мысль в другую сторону. И судя по их заинтересованности, это возымело своё действие, и Яшка, видимо, как знаток этой увлекательной игры, принялся объяснять Фоме её основные правила.

– Запомни, первое и самое главное правило этой игры: ты не должен дать себя заметить объектом твоего наблюдения. Наверное, не надо объяснять, зачем это нужно. Это уж когда ты убедился в своём предположении, что наблюдаемый тобою человек есть твой соотечественник, то тогда, для удостоверения его родной личности, можно будет подойти к нему, познакомиться и уже точно убедиться в этом, – Яшка начал с удовольствием вводить Фому в курс дела.

– А я думал, что вы вначале находите этого самого соотечественника, а уже потом следите за тем, как он ведет себя на чужбине, – у Каца явно длинный язык, раз он не может смолчать, не вставив слова.

– Эта игра для новичков, у которых ещё с глаз пелена родины не спала. Ну а для нас, будет интересней тот вариант игры, в котором можно показать себя и свои знания в своем культурном коде, если, конечно, они есть, – высказав это, Яшка очень многозначительно посмотрел на Фому, отчего тому сразу же захотелось с левой показать свой, трудно классифицируемый лежащим в нокауте код. – Правда, нынче это будет сделать легче, – Яшка, не заметив недружественного взгляда Фомы, продолжил свои разъяснения, при этом не переставая вертеть своей головой в разные стороны, как бы показывая на снующих в повсюду прохожих, большая часть которых была туристами, прибывшими на чемпионат Европы по футболу.

А ведь это событие, требовало от них не только беспрецедентного пристрастия к собственной команде, но и яркого внешнего самовыражения, после взгляда на которое, ни у кого не оставалось сомнения, к какой стране причислить данного гражданина и болельщика, который не только лезет к тебе со своими крикливыми, непонятно на каком языке самовыражениями, но и тычет тебе в нос атрибутами своей страны, которые ярко красуются на его одежде и теле в виде флажков, маяча в опасной близости вокруг твоих глаз, пытаясь затмить собою всё небо. И хотя здесь, в этом отдалённом от центра проведения соревнований и культурных мест столицы, а также от всего этого понаехавшего сюда на соревнования разнокультурья, было относительно тихо, но всё-таки иногда уже попадались дальние отголоски той голосистости, которая стояла в центре столицы.

– Слушайте, мне одному это кажется или на самом деле за каждым столом сидят отголоски нашей родины? – Кац, видимо, хорошо поняв значение поворотных действий Яшки, очень быстро узрел в сидящих, как по соседству, так и в других дальних местах, свою гражданскую кровность. И ведь, что удивительно, так это то, что именно здесь, на этой одной из великого множества французских улочек, перед глазами Фомы и его товарищей по столу, возникли представители того культурного кода, по которому они боялись за эту долгую неделю, пока будут здесь, очень соскучиться.

Ан, нет, вот они, идут, держа родные триколоры и идут туда, куда и следовало идти, а именно куда глаза ведут. Хотя объяснение этому всё же было, ведь в тот отель, в который поселились наши туристы, как заметил краем глаза, глядя из окна своего номера Фома, вселилась и та группа болельщиков, которая своим не спокойствием, уже раз дала о себе знать им и в частности Яшке в салоне самолёта. А уж такое совпадение объясняется, либо действи-

ями туристической компании, продавшей билеты скопом на этот чартерный рейс, либо же случаем, этим результатом задумчивости судьбы, действовавшим как фишка ляжет. Ну а может, какой другой занимательной причиной данной событийности о которой разве судьба расскажет. Но разве это важно, раз это уже случилось?

– Сейчас здесь каждый гость этой страны, будет стараться выделить своё национальное «я», и при этом, не только с помощью атрибутов и флагов, – резюмировал свою, а также общую мысль Яшка.

– Ну тогда, дабы не пасть жертвой подсказок, предлагаю переместиться куда-нибудь подальше от этого русского квартала и уже там начать свою игру (Своё знакомство с городом, как хотел того Фома, не было произнесено. А ведь так всегда получается: дома о работе не смолкаешь, а на работе о доме. Так и здесь, за границей, все мысли о своём доме, когда как дома, все мысли о какой-нибудь за границе.), – Кац задал тон окончанию посиделок, который был быстро примечен ходким до чаевых официантом. Ну а официант, убедившись в возможности на большее этих туристов, расплылся в улыбке, снова обрёл дар французской речи и принялся чем-то умасливать на дорожку, единственного из всех носителя французского языка, этого, так сказать, сурдопереводчика всей компании Каца. И хотя Кацу, конечно, никакой веры нет (По крайней мере, со стороны Яшки.), но что касается отстаивания их общей финансовой независимости от этих акул сетевого бизнеса, то при должном контроле за его действиями, на него можно было вполне положиться.

– И чего он хотел? – когда Кац вырвался из хищных лап официанта, чем-то привлекательным заговаривающим его зубы, и присоединился к ожидавшим его на аллее спутникам, то Фома, пытающийся во всём найти смысл, не стал простаивать молча и спросил.

– Звал на утренний бодрящий кофе? – Кац кинув в ответ на эту отмазку и, задав темп, направился вперёд вверх по улице.

– Интересно, – этот ответ Фомы определённо удивил Яшку, который, усмехнувшись, уже сам задался вопросом к нему,

– И чего тут интересного?

– Да вот этот предлагаемый бодрящий кофе, – не слишком понятно ответил ему Фома.

– И что? – произвольно спрашивает Яшка.

– А то, что из этого следует. Ведь если в предложении присутствует прилагательное, как, в нашем случае, «бодрящий», которое по своей сути, характеризует свойство вещи, как то же кофе, то, следуя логике, можно заявить, что есть и просто кофе, эта непреложная сущность, к которой не примешано всякое другое прилагательное. Кофе, который не отличается этим бодрящим свойством. Из чего можно сделать вывод, что нас намеренно вводят в заблуждение этим маркетинговым ходом, пытаясь этой заманчивостью предложения, оттенить этим бодрящим кофе, чья кофеиновость уже заложена в её составе, все другие присутствующие на рынке напитки, – судя по такой разговорчивости Фомы, пешая прогулка всегда идёт ему на пользу, разгоняя в нём вместе с кровью и мысли.

– И к чему это всё? – Яшка же, видимо, обладая прагматичным складом ума, не любит без дела переводить слова и поэтому не слишком доволен разглагольствованием Фомы, который пытается сбить его с философского взгляда на жизнь, где можно просто так поговорить о свойствах какой-нибудь попавшей на глаза или оказавшейся на слуху вещи.

– А ведь, наверное, так происходит везде и во всём, где к вещи приставлено это дополняющее или определяющее её свойства определение, – всё-таки Фому не так-то просто сбить с определяющей его сознание мысли.

– Ага, пиво пенное. Только вот непонятно, что мне это даёт, – засмеялся в ответ Фоме прагматичный ум Яшки. Но тот как будто не слышит этих проявлений умственного складывания в голове Яшки, а так и прёт своей мыслью, напролом этому расслабляющему ваше сознание воздуху и этим его сотоварищам, отгородившимся от мира своим сарказмом.

– Просто ты, не туда пену дуешь, – Фома продолжил следовать за Кацем и за своей мыслью, от которой, чтобы избавиться, то её нужно переложить кому-нибудь в голову из рядом с тобой идущих. Ну а если рядом, кроме Яшки, никого не было, то ничего другого Фоме не оставалась, как нагрузить по полной этот Яшкин мозг.

– Я это к тому говорю, что кофе – это всего лишь та частность, на примере которой можно понять, каким образом, так сказать, по какому шаблону действуют эти маркетологи по жизни или, вернее, те определяющие направление вашей жизни архитекторы мироустройства. Эти маркетологи от народа или для народа, а лучше сказать, действующие от имени той бодрящей ваш рассудок самой служебной его части, которая всегда спит и видит благо народа, за которое он всегда готов постоять. Так вот, перед ними стоит куда более сложная задача, найти стопудовые обоснования на право этой части мировой конгломерации, которую они представляют, действовать, как они того желают и хотят. А хотения их, заключающиеся в достижении общемирового блага, ни откуда-то там ветром надуло, а вызваны тем, как верно заметили эти мудрые головы маркетинговой службы государства, отыскавшие в ветхих книгах давно подзабытое употребительное выражение, которое, пройдя доработку и «рейхстайлинг», и было озвучено с высоких трибун, а именно исключительностью сего народа, – Фома, вовремя не заметив остановившегося Каца, уткнулся ему в спину и был тем самым вынужден заткнуться и остановиться или, может быть, в другой последовательности, что, в общем, не важно.

– Не люблю я эти всякие обобщения, – Яшка всё-таки ответил Фоме. – Так что лучше давай вернёмся к частностям, с ними как-то полегче и интереснее, – после чего Яшка ловко обогнул Каца, ещё не решившего, остановиться ли здесь, в этом кафе, чья наполненность посетителями, с одной стороны, давала обширное поле для наблюдения, но, с другой стороны, пришлось бы довольствоваться теми местами, которые чем-то не угодили посетителям, зашедшим сюда раньше их. К тому же увеличение количества гостей всегда повышает самооценку официантов заведения, что всегда сказывается на их подходе к обслуживанию, которое вследствие всего этого проходит на бегу. А ведь каждый из посетителей кафе желает обстоятельного, с элементами внимательности обслуживания. Но Яшка, в отличие от Каца, преследовал иную цель, которая заключалась в том, что на этот раз всё решать будет он. После чего он, заняв свободный столик, таким образом, определил дальнейшие действия своих товарищей и занятость соседних с ним стульев, чьи поверхности устали от этого знойного солнца и были не прочь уже спрятаться хоть под задами каких-нибудь туристов.

– Ну и что здесь есть такого, чего нет, предположим, в следующем подобном заведении? – усевшись на своё место и раскрыв меню, Кац с некоторым недовольством фыркнул на Яшку.

– Люди, – многозначительно заявил Яшка и, дабы этот слепец Кац смог понять его мысль, обвел глазами сидящих вокруг, мирно попивающих и поедающих свой заказ гостей заведения, которые имели не только все признаки людей, но даже все полные основания так называться. Правда при этом, они совершенно не подозревали насчёт себя ничего такого, что вложил в своё слово Яшка. Впрочем, он, скорее всего, в него ничего не вложил, а произнёс его лишь для того, чтобы обосновать этим своё право выбора. Ну а что поделать, когда чего-то сильно хочется, то люди и даже народ всегда оказываются если не крайними, то на слегка на острие чей-то атаки.

– И чем же здесь сидящие отличаются, к примеру, от тех сидящих на другой стороне улицы? – Кац кивнул носом туда, где в таком же уличном заведении, находясь в неведении такого внимания к ним, посиживали и беседовали о всяком своём любители чего-то своего. Но Яшка и ухом, и взглядом не повёл ни в ту, ни в какую другую сторону, а, уставившись на Каца, продолжил гнуть свою линию.

– Ну, во-первых, они ближе (По улыбнувшимся лицам Фомы и Каца стало понятно, что до них дошла эта очень точная контраргументация Яшки.), ну а, во-вторых, ... а какая, к чёрту разница, – что и говорить, а второй довод Яшки, надо сказать, был куда существенней, чем первый отсыл к географии.

– Ладно, уговорил, – ответ Каца определённо несколько озадачил подошедшего к их столику официанта, который, к удивлению посмотревшего на него Фомы, как только была произнесена эта фраза, как будто упёрся в неё. Его улыбка, вмявшись об эту невидимую словопреграду, деформировалась в зубобольную гримасу, с которой тот, всё же держа интонационную марку, чего-то там, как выражался всегда насчёт них Яшка, символично прокукарекал повернувшись к нему Кацу. Кац же при этом, своим мелочным, только питьевым заказом, конечно же, не может сгладить возникшую паузу-гримасу на лице официанта, который между тем, в их заказе видит только попусту трату своего времени, и лишь только его долг перед заведением и одним банком, не позволяет ему послать подалее этих носителей суеты и пустых, ничего для него не значащих слов.

– А ты чего там всё пишешь? – как только физиономия официанта покинула их столик, то вместе с ним их оставила всякая возмущающая мозг мысль. И для того, чтобы она вновь возникла, было необходимо за что-то зацепиться, что и проделал Яшка, уже давно, с прежнего места сидения, заметивший, что Кац успевает заодно со всеми своими кафешными и болтливыми делами, чего-то там у себя в планшете, с помощью, как ему казалось, ушедшего в небытие стилуса, постукивая по экрану, отмечать.

– Веду дневник, – Кац улыбнулся и, щёлкнув кнопку выключения, положил планшет перед собой на стол, чем вызвал внутреннее оживление в головах Фомы и Яшки, возмущавшихся на эту чёрную поверхность девайса, который, чёрт знает что, написанное про них, хранил в себе.

– Ну так что? – но прозвучавший вопрос Каца, не дал возможности воображению Яшки расплавить себе мозг, который больше чем Фома, имел основания думать, что главным героем дневников Каца выступает именно он. И где, скорее всего, его личность изображена в самом неприглядном виде. Поэтому он тут же твёрдо решил, что как только ему выпадет свободная минутка, он тоже непременно возьмёт в руки такой же стилус, и с помощью него пропечатает на странице своих дневников всё то, что он о нём думает, и при этом, конечно же, его заметок будет на порядок больше, чем у Каца. Правда, прозвучавший не совсем вовремя вопрос Каца, не дав развить тому свою новую тему, вернул-таки Яшку на землю, после чего он непонимающе посмотрел на того и переспросил:

– Чего «так что»?

– Ну я не думаю, что Фома приехал сюда, чтобы расслаиваться по этим кафе. Мы же собирались только подкрепиться на дорожку и затем уже двинуть в центр, к достопримечательностям, – ответил ему Кац.

– Ну и? – всё вопрошает Яшка, который не может вот так быстро переключиться на действительность, с той его внутренней реальности, с его первой главы о Каце, где он уже начал описывать все его тупизмы. Ими он, по писательскому мнению Яшки, не только славен, но и характерно необычен.

– Что и? Сам же предложил эту свою игру «найди соотечественника». Для чего, собственно, мы сюда и пришли, – это уточнение Каца, наконец-то, вразумило увлекающегося чем не попадая Яшку. Тот, пока Фома не вставил своё возмущённое слово, сходу заявил:

– Чур я первый, – чем, надо сказать, несказанно удивил обоих его визави.

– Объясни? – на этот раз выразил общее недоумение Кац.

– Фома всё же здесь новичок, так что будет вполне разумным, что я первым буду искать своего русского. Ну а Фома, уже на моём примере, сможет затем проявить себя, – ответил им Яшка.

– Я бы предпочёл сначала посмотреть город, – последовал недовольный ответ Фомы. Но мысль Яшки уже настроилась в одну сторону, отчего его голова уже наполнилась убеждающими аргументами в его решении.

– Одно другому, не только не мешает, а даже очень содействует. И, если хочешь знать, то город без людей – это всего лишь пустые стены, которые хоть и несут в себе память о событиях, но всё же надо понимать, что эти события определяют те же люди. Ну а наш турист, которого я, можете на меня положиться, без труда найду, он, как говорится, и в Африке турист, так что, можете не сомневаться, проведёт нас по всем самым знаковым местам города, и при этом мы ещё и позабавимся за его увлекательный счет, – Яшка, проговорив всё это, устался на Каца, как бы ожидая его окончательного вердикта. На что Кац, видимо, узрев логичность доводов Яшки, всё же имея насчёт него свою критическую точку зрения, ответил в своем ключе.

– Белые, делают первый ход и выигрывают.

– Не понял, – Яшка ожидаемо не понял, чего, наверное, и добивался ухмыльнувшийся Кац.

– Начинай уже, – хлебнув принесённого местного бодрящего кофе, Кац дал старт поисковику за именем Яшка. Ну а тот, хоть теперь уже и горел желанием начать, всё же, предупреждая все свои и действия своих товарищей, снизил свой тон до уровня под названием «заговорщицкий» и принялся излагать своё видение дальнейших действий.

– Значит так, чтобы всё происходило наиболее честно и объективно, ну и, конечно, для того, чтобы не спугнуть наш объект, с этого момента снижаем наш уровень разговорной речи до минимального. Надеюсь, не надо объяснять, что родная речь, всегда различима и из всего сонма шума, всегда можно определить, откуда звучит это: «А ты меня уважаешь?». После чего, заинтересованный взгляд прохожего, однозначно выдаст в нём твоего соотечественника. Далее все эти явные подсказки, как, опять же, родная разговорная речь, явная детализация костюма, ну и что-то в подобном духе, будет вести к отклонению и выводу из игры нашего претендента на роль объекта наблюдения, – высказав все это, Яшка внимательно посмотрел на своих слушателей.

После чего, он хотел, конечно, ещё что-то там добавить, но, не заметив на лицах собеседников желания услышать оправдание его бездействия, всё же решил, что для того, чтобы приступить к делу, требующему внимательности, необходим свой настрой. Который, в общем-то, у него уже есть. Так что дело оставалось за малым, так сказать, за приведением себя в удобное телоположение, для занятия которого, он взял в руки принесённый стаканчик с кофе, откинулся на спинку стула, после чего зафиксировал себя в таком положении и закинул ногу на ногу. Это должно было придать ему обособленности от мира сего. Ну и в окончании, он, настроив свой глаз на внимательность, наконец-то бросил пронизательный взгляд в эту гущу пьющих, болтающих и питающих собой обстановку кафе гостей заведения.

– Ну и что увидел? – спустя эту умозрительную Яшкину минуту, Кац при виде Яшкиной выдержанности, испугавшись захлебнуться от смеха в кофе, решил-таки побеспокоить того.

– Что сказать. Есть варианты, требующие своего рассмотрения, – Яшка, сопроводив свои слова многозначительным почёсыванием подбородка, сменил свою важность в виде такого залихватского «ногу на ногу» положения, придвинулся к столу и вызвал к себе внимание собеседников. Те же, жажда услышать от того откровения, сами придвинулись к столу и вслед за ним, даже наклонили головы ближе к центру стола, откуда можно было без потери качества всё услышать. – Я, конечно, не рассчитывал на то, что нам сразу же здесь выпадет удача, думал, что придётся ещё побродить по городу. Но, видимо, фортуна учла нашу усталость с дороги и, не отходя далеко от кассы, подкинула пару вариантов, – многословность Яшки, скорее всего, вызвана желанием оттянуть время на раздумье над этими существующими под вопросом вариантами.

– Ну и кто тебе, особенно улыбнулся? – в ответ ему усмехнулся Кац, подозревающий Яшку в личной заинтересованности, для чего обернулся и пройдя взглядом по столикам кафе, попытался усмотреть наиболее желательный, улыбчивый для себя вариант. После чего повернулся к тому, где и принялся сопоставлять свои ожидания с предложенным Яшкой вариантом.

– Что ж сказать, во времена, когда глобализм шагает по миру, стараясь стереть различия между народами, одевая и пакуя его в модонеотличимое, без национального колорита одежду, сложно по внешним, детализирующим фигуру признакам определить с его принадлежностью к той или иной ... – Яшка не успел договорить, как Кац снова влез в разговор.

– Понятно, габбана того хмыря за тем крайним столиком, возмутила тебя до крайней степени переосмысления своих предпочтений и тем самым записала тебя в антиглобалисты, – вызвал соответственное сказанному смешливое согласие Фомы и угрюмое недовольство Яшки, который хоть и огорчился своим видением любимого бренда на однозначно недостойных плечах, какого-то чучела с усиками, но всё же, в тот отвлечённый своими мыслями момент, не придал столь категорического неприятия вида это хмыря. Когда как сейчас упоминание о нём Каца, заставило его с болью в сердце, принять эту мировую приложность, где мир со своей не избирательностью, однозначно загнивает и катится в бездну. И теперь любой, самый непривлекательный субъект, совершенно не радующий твоих глаз, имея в кармане лишнюю монету, может без труда облачиться в один из модных образчиков, которые выходят в свет, благодаря гению великих от кутюр модельеров.

И тогда спрашивается: да неужели творец модельного бизнеса, этот подмастерье изящества, трудящийся в окружении одних только модельных красавиц (Чтобы не вскружить себе голову всеми этими их видами и остаться верным своему модельерному делу, им приходится направлять взор в противоположную их естеству сторону.), на ниве красоты, мог когда-нибудь представить, что он будет в услужении у всех этих абсолютно не отличающихся совершенством своих телесных форм и не разбирающихся в единстве цвета и сопоставимости надеваемого на себя вещевого разнообразия, непонятно что за нетворческих личностей.

Но Яшка всё-таки собрался с духом и, понимая, что Кац хочет сбить его с мысли, продолжил начатое, – Слышь. Хорош, меня сбивать смыслы, – некоторая невыдержанность, сквозившая в словах Яшки, вызвала в Каце определённую почтительность к нему. Добившись соответствующего внимания, тот продолжил:

– Сначала, конечно же, мой глаз упал на тех двух красоток, – Яшка ещё раз с удовольствием посмотрел на уж слишком брюнетистых брюнеток, и, подмигнув сам себе, почему-то с облегчением вздохнул. Это, скорее всего, говорило о том, что он в некотором роде, опасался такой имеющей место женской яркости, которая заведёт тебя куда-нибудь в дальний и безлюдный уголок какого-нибудь заземелья и, не получив от тебя положенного ей за свою такую яркость, возьмёт в одно мгновение разочаруется в тебе и следом поблекнет, а вместе с ней поблекнет и потеряется всё вокруг, окружавшее до этого момента тебя, и что было только и видно в свете её яркости. И ты, лишившись этого света, уже не сможешь найти для себя выхода и окончательно потеряешься на задворках уже чьей-то бесцветной судьбы. Ну, в общем, Яшка, как и всё его поколение, не спешил обречь себя на стремительные и «всё сзади мосты сжигающие» отношения, которые однозначно светили при встрече с такой броской красотой. И уж лучше, не заглядываться и, обойдя их стороной, постараться сохранить нетронутым своё сердце и душу. Что, в общем-то, и делали все эти современные премудрые пискари, с облечением вздыхая над тем, что её взгляд не задержался на нём. Когда как всякие глупые сопляки, уже с горечью вздыхали над тем же, над её невниманием к этой юной душе, готовой ради неё сгореть без остатка. «Глупцы, одно слово», – скажут умудрённые этим без опытным опытом, носители, перегоревших в поверхностных связях, трусливых душ.

– Но что-то в них есть такое, что даёт мне повод сомневаться в них, – подвёл итог этому первому столу Яшка.

«Или в себе», – ухмыляющиеся молчаливые взгляды Фомы и Каца, обращённые на Яшку, явно говорили об этой поправке в Яшкино сомнение.

– Значит, те три борова, будь они ещё в спортивных костюмах, то, пожалуй, очень даже подошли нам. Но, возможно, отсутствие этих штанов, как раз и вычёркивает их из претенден-

тов в наш соотечественный список, – Яшка выдал новую порцию информации, бросив взгляд на сидящих невдалеке, внушающего уважение вида, трёх разодетых в шорты и футболки типов.

– А вот это, как раз пример твоего внутреннего стереотипного мышления, когда ты примеряешь мир с позиции того, к чему ты больше привык. Хотя, я тебе скажу, что ты, парень, застрял в своих спортивных штанах ещё в девяностых, – Кацу одновременно было легко и тяжело парировать ответ, однозначно, по его мнению, испугавшегося этих качков Яшки (Который между тем, может быть спас непредусмотрительного Каца от гнева этих мордатых типов, ведь его длинная фигура никогда не отличалась незаметностью и, если что, то ему всегда первому прилетает за здорово живешь), а ведь с его ростом, ему опять же, было одновременно легко и тяжело, прикупить для себя те же спортивные штаны (Конкуренция почти отсутствовала, как и предложения таких штанов, которые требовалось шить на заказ). Ну а когда ты находишься, так сказать, вне моды, то у тебя всегда есть время проанализировать все эти веяния моды, которую ты уже перерос, так и не доросши до неё.

– А ведь всё-таки, место твоего проживания, налагает на народонаселение свой генетический код. Так для одних, ближе всего бег, что поделать, когда только бег спасет тебя от неблагополучия, в других же странах, где люди любят проводить всю жизнь в близких взаимоотношениях, любимый вид спорта – борьба, да и мало ли ещё примеров. Ну а что касается нас, ищущих или, лучше сказать, создающих себе проблемы на голом месте, то, наверное, у нас нет особых предпочтений, чья широта варьируется своей временной непредсказуемостью, – умничание Фомы, заставило на время повести носы Каца и Яшки («Вот так новость сказанул», – усугубление морщинистости их носов явно говорило об их «плавали, знаем». Хотя, сами всё последнее время триндят о том, что уже тысячу раз говорено, переговорено, но нет, им все хочется заново открыть Америку.) в его сторону, после чего Яшка, быстро переварив сказанное, перешёл к следующему пункту своего доклада.

– Так, следующая любовная парочка, конечно, была бы для нас идеальным объектом наблюдения. Они так заняты собой, что никого не замечают вокруг. Так что нам, пожалуй, даже не нужно особо скрываться, наблюдая за ними, – Яшка, бросив взгляд на столик, за которым, сдвинувшись поближе друг к другу в те пределы контактной близости, выход за которые уже приводит к обоюдному ослаблению контроля за собой и сопутствующему всему этому головокружению, сидела влюблённая парочка. Где парень, догадываясь о своей несдержанности в подобных делах, пока что решил ограничиться одними руками своей хорошенькой спутницы, которые он, поместив в свои руки, так и старался не выпускать, не давая ей приступить к своей чашке чаю вместе с пирожными.

Что, наверное, и позволяет им, этим нежным с крем-брюле особам, находиться в хорошей форме, когда за дело принимается этот однозначно ими выбранный очень личный диетолог, который, имея уже свою заинтересованность, не пропустит мимо себя ни единого вашего изменения. Ну а когда твои руки нежно удерживаются в его руках и в чьих глазах, ты можешь тут же увидеть отражение действенных результатов ваших совместных ручных тренировок, то это лежащее на столе пирожное, не только подождёт, но, пожалуй, к неудовольствию шеф-повара, останется не съеденным, чем определённым образом, пошатнет его репутационную самоуверенность в себе. А с ней он взирал на всех на кого ни попади, ну и, конечно же, на своих конкурентов по пищевому блоку, которые не могли ничего подобного приготовить.

– О, мама миа! – обалдев от такого положения дел, где нетронутое пирожное, лежа на столе, служит укором его поварскому таланту, шеф-повар заведения (Который, скорее всего, француз, но для эффективности сцены пришлось сделать небольшое отступление в сторону Италии, чьи повара отличаются более сильной эмоциональной восторженностью в выражении чувств.) в отчаянии разразится этой тирадой, вскинет кверху руки, а затем, схватив какой-нибудь предмет на кухне, например, половник, накинется с ним, на ни в чём не виноватых

поваров, которые и так уже наполучали от своего шефа шишек, а тут уже новая партия подоспела.

Но разве эта парочка может думать о чём-то другом, кроме себя, и разве она может предположить, что их действия приведут к таким ощутимым для лбов поваров последствиям. Да уж, природа в своих проявлениях эгоистична и ради достижения своей цели, не посмотрит по сторонам и, несмотря на все эти шишки и ушибы, будет переть вперёд напролом.

– Ну так в чём проблема-то? – спросил Яшку Фома. Ему было всегда интересно понаблюдать за такими парочками, дающими широкое поле для размышления о тех побудительных причинах, заставивших броситься ту красотку в лапищи этого неуклюжего бугая или то же самое, но в обратном отражении факта, совершенной несхожести между собой, этих двух валенков пара.

А ведь не он первый задался входящим в первую десятку актуальнейших вопросов человечества: «А что он или она или, вообще, они нашли друг в друге?». И вот только не надо, из себя строить не весть что и заявлять, что такой вопрос не возникал у вас, глядя на уж совсем, по-вашему мнению, не пару. А ведь между тем, каждый из нас в отдельности, скорее всего, не ставил перед собой задачу найти для себя что-то определённое, с выверенной вашими взглядами, детализацией объекта, с кем вы, в возможном последующем будущем, будете разделять своё как генетическое, так и имущественное наследие. Так у каждого, конечно же, была своя определённая цель, построение своего счастья, а уж она или он, были всего лишь инструментом для достижения этой бесспорной цели (Интересно, работает ли в данном случае правило «цель оправдывает средства»?). При этом у каждого из них, был заложенный природой, мировоззренческий набор инструментов, с помощью которого он или она, и ведут этот свой судьбоносный поиск.

Конечно, есть беспокойные натуры, подходящие к этим поискам с основательностью на грани дотошливости. Они, для того чтобы быть уверенным в своих поисках, не ограничиваются одними поверхностными знаниями того, на чём строится вся эта природа возможных близких взаимоотношений, и, не жалея себя, стараются отыскать всё, на чём могут быть основаны эти взаимовключающие друг друга отношения. Так они, разбирают по винтикам этот наш комплект инструментов и видят в нём набор химических и физических элементов, для которых необходим уже другой совокупный набор элементов из периодической системы Менделеева, позволяющий своим строением, войдя в реакцию, закрыть все те существующие в вас пустоты, создать новую структурную цепочку и образовать новый элемент. Что, наверное, имеет право на свою осмысленность существования, но Фома, видящий сердцем все эти полёты мысли природы, поэтому-то и ставит во главе угла свой сердечный элемент, вокруг которого и структурируется новый элемент жизни.

– Твоя эмоциональная нестабильность при виде чьего-то счастья, сбивает тебя с мысли, что ли? – Кац, со своей стороны, не жалеет заумных слов, чтобы вывести из себя Яшку, чья эмоциональная стабильность и вправду начинает расшатываться, слыша этого Каца.

– По моим ощущениям, они не подходят, – всё-таки Яшка старается пока что держать себя в руках, спокойно отвечая им, – А вон та, сидящая в самом дальнем от нас углу, молодая особа, которая время от времени, бросает взгляд на вход, мне показалась интересной, – а вот сейчас в голосе Яшки прозвучали какие-то едва различимые нотки сердечности, что даже Кац, уловив его проявление чувствительности, удивился этому и не стал ещё больше волновать его своими замечаниями, а, бросив боковой взгляд на эту молодую особу, попытался с одного этого короткого взгляда определить достоинство интереса этого объекта.

– Ждёт, наверное, кого-то, – на этот раз Фома выступил в роли мистера, нет, месье очевидно, чем внёс диссонанс в уже было возникшее между его соседями по столу единое мнение, которое они, заметив за собой, тут же принялись деформировать.

– А не кажется ли тебе, что ты несколько отвлёкся, – проговорил Кац, сам отвлёкшийся в своих мыслях об этом одиночестве, которое однозначно ждёт какого-нибудь в своих глазах принца. А тот, подлец такой, взял и не пришёл на свидание. А ведь она, ни на минутку не опоздала на это, по её мнению свидание, когда как тот симпатичный парень с её работы просто за между прочим, обмолвился, что было бы не плохо с ней попить, часиков в семь, кофе в том кафе на углу бульвара N. Ну а Мария, так звали эту любительницу свиданий и кофе, всё, конечно же, поняла с полу его брошенного взгляда на неё, хотя он всё-таки обмолвился этим предложением со стоящей рядом с ней её подругой, предложив той, ещё с неделю назад, встретиться в этом кафе. Но ведь неделя уже прошла, и её подружка, как она сказала ей, не нашла, а вернее, не позволила найти точек соприкосновения с этим хамлом, уже рассталась с ним. А Мария, зная привередливость своей подруги, всё же не веря в эти её рассказы, решила дать шанс себе и принялась каждый вечер прогуливаться по этому бульвару, посиживать в этом кафе и искать встречи с тем парнем, когда-то ошибочно пригласившим на свидание совсем не её.

– Ну тогда ничего другого не остаётся, как только обратить свой взор на то, ещё одно, только никчемное одиночество, чья хмурая рожа выдаёт в нём нашего соотечественника, – прежде чем высказаться, Яшка на этот раз, как того и следует, недовольно вздохнул и, кивнув на так же одиноко сидящего через столик от этой девушки, средних лет типа, чего-то там пережевывающего внутри себя. Так он, когда приходит время запить всю эту набранную скопом сухомятку, снисходит до окружающих, и, отвлёкшись от экрана смартфона, который занимает всё его пространственное внимание, бросает на них свой неаппетитный взгляд. Ну а этот взор, если уж случайно попал в чей-то встречный глаз, то уж тогда даст тому время для собственной переоценки ценностей, отчего посмотревший на него так и не сможет ближайšie пять минут что-то другое сделать. Да и как можно что-то сделать, когда после этого паскудного лицемерия, кусок ни в какую глотку не лезет.

А ведь между тем, в нём не было ничего такого особенного. Например, огромной бородавки на носу, что могло бы так взволновать ваше внимание и затерять на глубине своих ног вместе с сердцем, всю вашу душевную толерантность, с которой вы локтями расталкиваете всех статистически выдержанных, в пределах природной нормы, индивидуумов, которые по невыносимому для них стечению обстоятельств, никак не выделяются из общей массы людей и должны теперь нести на себе крест своей обычности. Так и этот тип был совершенно обычен, что, наверное, в нём и вызвало такое неприятие себя самого, отчего весь мир стал не мил и, вызвав отторжение, тем самым внёс соответствующие корректировки в его образ, от которых его вид и стал всем так отталкивающе представляться. Хотя, возможно, здесь присутствовала и другая причина: его пронзительный взгляд, в который он вкладывал всю свою изморозь души (Отчего его глаз, наверное, и слезился, заставляя этого типа, время от времени, прикладываться к нему салфеткой, вытирая эту накопившуюся сострадательность к тому... а вот к кому, это уже другой разговор.), с помощью которого он вторгался в личную ипостась попавшего в его обзорность индивидуума. Что, конечно же, не могло не вызвать соответствующей реакции этого человека, не желающего, чтобы без его спроса копошились в изнанке его души.

– Я, конечно, мог бы сказать, что ты вполне предсказуем и из всех сидящих здесь, симпатичных и не очень лиц, ты выбрал самое противное, но мне всё-таки интересно будет услышать твой ход мысли насчёт этого типа, – когда Кац вместе с Фомой насладились видами того субъекта, привлёкшего выборочное внимание Яшки, то Кац, вернувшись к обзору этой довольной рожи Яшки и задался этим вопросом к нему.

– Знаешь, что. Это моё право выбирать, и этот тип не виноват в том, что природа наделила его отталкивающей внешностью. Кто знает, может, он внутри очень добродушный малый. Ну а то, что он не слишком улыбочив, то ты же знаешь, что у нас это в крови: не надевать эти

маски видимого приличия и, сквозя своим безличием, разбрасываться по сторонам за просто так этой видимой душевностью, – теперь уже Яшка удивляет Фому своими мировоззренческими взглядами, которыми, надо заметить, он никогда не боится поделиться вдали от незримого ока своих кураторов.

– Так ты поэтому, его и записал в соотечественники? – подловив Яшку на его оговорке, Кац слишком поспешно пытался причислить себя к ловцам чужих мыслепобуждений.

– Ну, конечно, – Яшка, ухмыльнувшись такой примитивностью суждений Каца, с чувством превосходства, посмотрел на того с высока, откинувшись на спинку стула. После чего Яшка, хотел было с этого тронного места, обрушить на Каца своё нищепровержение, но затем, вспомнив, что пока не время шуметь, вновь вернулся к столу и уже оттуда, пронизывая взглядом своего диалогического противника, принялся вбивать в его ушные ворота свои слова.

– Судя по твоим высказываниям, я подхожу к делу шаблонно, где существующие стереотипы, только и служат моим инструментом, с помощью которых я и делаю выводы. Значит, если послушать тебя, то если бы этот тип имел огромное брюхо, которое он свалил на второй придвинутый к его заднице стул и где при этом, надетые на него шорты, очень бы красочно подчёркивали его слоновью фигуру, которой он, конечно же, гордился бы и поэтому пускал пузыри в стаканчик колы, который он использовал как микрофон и с помощью которого, он трубил бы об этом на весь белый свет, то значит, что он обязательно носит на себе звёздно-полосатые трусы. Ну а если какой-нибудь кретин, в эту жаркую погоду, возжелал бы одеть на себя, костюм тройку и, зайдя сюда, принялся под газету попивать кофе из чашки, держа её двумя пальцами на полусогнутой в локте руке, чем непременно стал бы мозолить глаза всем сидящим здесь, то ты, конечно же, сразу же увидел в его поведении чопорность, о которой много слышал, но никогда не видел, но, тем не менее, зная понаслышке об этом продукте, сразу же обвинишь в этом того типа в тройке, который не иначе относиться к той группе населения, которая записывает эту черту в свой генетический багаж. Ну и, наконец, где ты видишь здесь на столах лягушек? – этим завершающим словом, Яшка хотел поразить Каца и отправить того в бессловесный нокдаун, но, видимо, эта длинная речь заставила его выдохнуться и не рассчитать со своим последним доводом, на который этот Кац как раз нашёл, что ответить.

– Так здесь, десертная кухня. Ну а если тебе требуется насыщенный ужин с протеинами, то тогда тебе надо заглянуть в ресторан, – а вот этот ответ Каца, как раз и отправил Яшку в его взмутительный от такой наглости нокдаун.

– Ну так всё же, почему у тебя возникли такие мысли насчёт этого типа? – Фома, чувствуя, что таким темпом они здесь просидят до самой ночи, решил развести в стороны этих болтунов.

– Я мыслю образами, а не отдельными деталями, – проговорил в ответ Яшка, вслед за чем, ещё раз взглянул на того хмурого типа, который, стоило только на него воззреться, вдруг внезапно оторвал голову от экрана смартфона и, как показалось Фоме, посмотрел на того в ответ. Ну а как только он встретился взглядом с Яшкой, то в одно мгновение, подмигнул ему, после чего снова опустил голову и продолжил чего-то там ворошить в своём электронном мире. – И, как мне подсказывает интуиция, нам стоит обратить на него внимание, – закончив, Яшка уставился на Каца.

– Ну тогда почему, он сидит один, а не в компании своей туристической группы или же, если он путешествует налегке, вдали от туроператоров. Но тогда у него, опять же должны быть попутчики или же, в случае командировочной поездки, он всё же, как мне кажется, не слишком выказывает любопытство к окружающему, – Кац, заметив ёрзание Фомы, решил подойти к своему ответу более или менее конструктивно.

– Ну этого я, конечно, не могу знать. Может, его товарищи по тургруппе, оказались охочими до всего, и своей невоздержанностью, переборщив, уже к вечеру не осилили подъём на ноги. А может он сам по себе, посмотри его рожу, любит одиночество, – Яшка, со своей стороны, тоже принял новые правила игры и обстоятельно-примирительным тоном ответил Кацу.

– Ладно уж. Раз уж всё, что связано с влюблёнными парочками и пока не ставшими ими, грозит нас увести в далёкие дебри, то на первых порах и этот сойдёт, – не успел Кац закончить свою фразу, как этот тип за столом, будто услышав желание Фомы, вытащил из-за спины очень удивившую всех наблюдавших своим, нет, не видом, а просто наличием (В наш прогрессивный век подобного рода приспособления уже кажутся анахронизмом. Впрочем, как потом стало видно, этот тип использовал свою трость не для своего опорочного назначения, а в некотором роде, разряжал плотность пространства впереди себя, размахивая ей перед собой.), трость, поднялся на ноги, затем ещё раз окинул сидящих в этом кафе гостей (Когда его взгляд пришёлся на стол, где сидели наши герои, то они быстро сориентировались и приняли свой углублённый в себя, независимый от окружающего вид.) и, выйдя на бульвар, сначала немного там постоял, как бы осмысливая, куда же пойти дальше, и уже потом, спустя потраченное на осмысление время, не спеша двинулся туда... А куда именно, почему-то, очень захотелось узнать, быстро подозвавшем к себе для расчёта официанта, всей этой уже знакомой нам компании во главе с их общим любопытством.

«Интересно, куда приведёт нас эта дорожка, по которой нас тянет за собой этот русский или, кто его знает, что за субъект нашего наблюдения. Правда, если отталкиваться от желания той либеральной части общества, имеющей на всё своё независимое ни от кого и ни от чьего-то гранта мнение, то эта дорожка обязательно должна, желаемо ими, привести в одно место, в которое, впрочем, и они никогда не гнушались зайти», – размышлял Фома, следуя по пятам за этими двумя впереди его идущими конспираторами Каца и Яшки.

Глава 7

Первая, опустошающая своим поиском, пустота половины стакана

*Я вижу костры книг,
Я слышу овчарок лай.
Когда-нибудь я крикну: «Sieg!!!»
И миллионы ответят: «Heil!!!»*

– Я не слышу от тебя ответа, сука! – орёт штурмовик, на поставленное им на колени естество, которое, потеряв свой германский дух, а теперь, после удара сапогом штурмовика ему в нос, и свой нюх, своей безответной дерзостью на его приветственное «Sieg», теперь грозит потерять свои последние зубы. Штурмовик же, из-за такого неуважение к себе и фюреру, потеряв всякое терпение, дабы не быть голословным, в воспитательных целях, сконцентрировался на этом балбесе, после чего, у того в два счётных удара вылетели зубы. Ну а по окончании этого очень вразумительного разговора, пожалуй, у этого балбеса, уже не будет никаких шансов на обратное выправление его мозгов.

– Что, разжигаете? – усмехнулся, глядя в упор сидящему на коленях Кестлеру, наклонившийся к нему второй более рослый штурмовик. Затем выпрямился во весь рост и всё так же, не сводя взгляда с этого горе-писателя, оказавшегося не в том месте, не в то время, приговаривая речёвку, начал разрывать на части находящуюся в его руках книгу.

– Против классово-борьбы и материализма! – оторвав переплёт от книги, орёт рослый штурмовик, находивший удовольствие в своих действиях. И его улыбка так и не сходит с лица на протяжении всего этого действия. Потом со всего маху, он забрасывает «Капитал» Маркса в набравший силы за его спиной костёр.

– Долой декадентство и моральное разложение! – в упирающимся в Кестлера взгляде штурмовика, продолжавшего проговаривать эту мантру «огненной речёвки», читалось, что это всего лишь прелюдия, а там, где сжигают книги, всегда впоследствии сжигают и людей. После чего штурмовик, закинув очередную партию книг в костёр, вновь приблизился вплотную к Кестлеру, и, наступив сапогом ему на руку, которой тот упирался об землю, принялся наблюдать за его реакцией на это нарастающее вдавливание.

– Это для того, чтобы ты на всю свою поганую жизнь запомнил, – зарычал штурмовик, схватив за подбородок Кестлера, после чего сдавив его что есть силы, придвинул к себе лицо этого писаки, для того чтобы следом начать вбивать навсегда в его память свои слова и свой образ, который собой будет олицетворять эту, под его началом, Германию. Но больше всего в памяти Кестлера, отложится эта, в блеске ночного огня, без которой нельзя представить возведённые в закон подлость и цинизм, плотоядная улыбка рослого штурмовика. Нет уж, такого быть не может, чтобы цинизм был слишком подл и воздержан в себе, чтобы никак не проявиться через эту улыбку, которой одарил его рослый штурмовик.

– Несёшь, говоришь, культуру в массы, – отпустив Кестлера, выпрямившись, ухмыляется рослый штурмовик. – А я вот этой, своей отутюженной стрелкой на брюках, на которой муха не еб*лась, несу свою, под барабанную дробь, стройность и упорядоченность понимания этой жизни, что для люда, всегда предпочитающего всякой извилистости прямую дорогу, будет всегда желанно. Ну а кому с нами не по пути, то тогда внимательней посмотри на огонь костров, которые несут для каждого свою вечность.

– Ну, Курт, ты слишком прямолинеен, – заявил второй штурмовик, который, как только освободился от навязчивого зрительного внимания к его сапогам того несговорчивого субъ-

екта, то тут же подошёл к этому рослому штурмовику. Для чего он, отправил того субъекта в длительное бессознательное «я» и сразу же присоединился к этой имевшей место дискуссии о месте писателя и поэта в информационном поле страны, которое, в случае непонимания писателем, этим ловцом душ, своего должного места, перемещается уже в это пригородное поле, где похоронный шум ветра всегда умеючи задувал в груди каждого из стоящих на коленях, теплящий огонёк надежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.